

КАРИНА ВРАН

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО
ОГНЕВИК

Карина Вран
Гори, гори ясно
Серия «Огневик», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68461435

Аннотация

Пройдя через огонь, пройдя через пепел, вы изменитесь? Узнав, что мир вокруг – совсем не тот, каким представлялся, а люди, которых вы знали – не все и людьми-то могут называться, вы останетесь прежним?

Между тем, разгадка причин происходящего лишь отдалится. Что вы предпримете, зная, что за одним противником придут другие? Спрячетесь? Понадеетесь на то, что гроза пройдет мимо вас? Или же начнете пуще прежнего искать ответы?..

Если выберете последнее, помните: вам жить с последствиями.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

121

Карина Вран

Гори, гори ясно

* * *

*Для чего тебе огонь – сварить ужин или сжечь
целый город?*

Эрнест Хэмингуэй. По ком звонит колокол.

*Все персонажи, места, заведения и события
являются плодом воображения автора, совпадения
случайны.*

Возможно.

Так-с, пока меня снова не сбили с мысли, с колеи воспоминаний, продолжу-ка я свои записи. Что значит «снова»? О, лучше не спрашивайте. Тяжела и неказиста участь узкого специалиста. Сдернули, понимаете ли, затушить одно возгорание. Очередное: в деревне на полсотни домов за год сгорело семь из них. И клуб деревенский.

Меня вызвали, когда шепотки о поджогах перешли в громкие заявления. Вспомнили про похожие серии пожаров в других населенных пунктах, не сильно далеко находящихся. Были и другие высказывания, о происках потусторонних сил. Эти звучали тише, почти шепотом.

Как-то так приплели к расследованию меня. И шерстистый поучаствовал: он-то тоже, как услышал эту деревенскую историю о ночных огнях, высказался за неслучайность возникновения пепелищ. Каких-то жарениц поминал недобрым словом...

Скатались впустую. Никаких нечистых сил возле сгоревших домов Кошар не унюхал. Погорельцы тоже ничего эдакого не замечали. Лучше бы, чем меня дергать, кто-нибудь из местных разорился на видеонаблюдение.

Нет, человечка, шалившего по ночам, я сотрудникам компетентных органов приволок. Только чуть меньше лени, чуть больше «глазков» видеокамер – и моя беготня вовсе не понадобилась бы.

Когда я вернулся, узнал, что пропустил серьезный пожар в родном Питере. Где тоже – к гадалке не ходи, с нечистиками не советуйся – явственно торчали уши жадюг и хапуг.

Парадники, когда мне про это происшествие рассказывали, грустно вздыхали. Птицы, мол, только гнезда свили, как рядом задымил, да жаром лютым обдало. За два десятка лет знакомства с мифологической братией, я так и не перестал поражаться этой разности в отношении. Смотрите: курицу – хоть в суп, хоть на вертел, хоть в жертвоприношение, а за гнездо птицы перелетной чуть ли не слезы льют.

Выговаривали они мне за мое отсутствие (и за неоказание помощи птахам) в процессе состязания... Стоп. Что-то занесло меня. О состязаниях, как и о прочем, что из давнего

прошлого за мной тянется, по порядку следует поведать. Я же для того и сел записи свои «наколачивать», как говорит Кошар. А понесло выкладывать про нынешнее... Не дело. Исправлюсь.

Этот негодник уже и кисточки на ушах наострил. Очень его веселит, как я «пыжусь и пучусь» в процессе записи воспоминаний. Хочется верить, второе, про пучение – это он о глазах говорит, о том, что большими они у меня становятся.

Прошрое...

– Помню такую пору, когда сосед соседа через челобитную обвинял в том, что смотрел тот на него зверообразно, – с серьезнейшим видом высказала Федя Ивановна Палеолог.

Мне тут же представилось, как тонет под ворохом исковых бумаг Макс Находько. Этому для зверообразного взгляда и волком оборачиваться не обязательно. В нем данная функция включена по умолчанию.

...Чуть погодя, когда летящие со всех сторон бумаги закроют Шпалу с головой, ворох белых листов, испещренных чернилами, разлетится в стороны. Выпустит на волю взъяренного волчару. И полетят клочки по закоулочкам, вместе с головами истцов-просителей...

Федя Ивановна настояла на моем к ней визите на четвертый день от безрадостного события в гараже. Проще говоря, от дня, когда я стал убийцей. Если в деревенской истории с пущей-мертвущей и старушкой-медичкой, получившей возврат проклятия «по наследству», я стал «пусковым механиз-

мом», то тут никаких оправданий быть не могло. Я их и не искал. Огонь исполнил мою волю. И точка.

Попрекнуть случившимся меня уже кто только не успел... Сергей Крылов – за отнятую жизнь. Семен Ильич Рыков – за утрату, возможно, единственной ниточки, способной размотать клубок дела Мельникова. Ивана Афанасьевича, колдуна, погибшего при первом пожаре в том же злосчастном гараже.

Домашние нечистики ругали меня за то, что не рассмотрел художества «костюмчика». Это когда тот кисть в банку с чем-то красным обмакивал и водил той кистью по полу. Возражения о скудности освещения и плохом обзоре овинника с парадником не трогали. Я же, не вникая в их претензии, отвлеченно размышлял о содержимом банки. Может, вовсе там и не кровь была, а краска на водной основе? Или и вовсе – вишневое варенье? Или клюквенно-брусничный конфитюр?

Может, меня обездвигили, чтобы травить несмешные анекдоты, а я не мог сбежать от скуки?

Это были пустые, бестолковые думы. Ими я «завешивал» неприятную картинку в памяти.

Специалист по древностям пенять мне ни на что не стала. О погибшем она высказалась своеобразно:

– Фигуры раньше или позже оказываются в коробке, – ода-рила она меня очередным шахматным сравнением. – Ахламу место в урне.

Фигура не справилась с пылинкой на доске – выходит, не фигура и была. Про урну: останков «костюмчика» как раз на погребальную емкость и набралось. К списку своих навыков и вероятных профессиональных качеств я теперь мог приписать услуги по кремации. Причем не обязательно по-смертной.

После равнодушного шахматного высказывания Федя Ивановна отчего-то переключилась на почти забытого мной «спящего красавца». Моториста, который пострадал при другом пожаре, на теплоходе. Того мужичка, кто мог стать жертвой пламени, но не стал. Моими в том числе стараниями. Чем он не угодил Палеолог? Головой отлежал некое нежное место? Ну, когда валялся в отключке головой на саквояже, как на подушке? Seriously, я о том мужичке и думать забыл, а она отчего-то помнит.

– Нет, каков наглец! Ему жизнь спасли, а он исками закидал всех причастных, кого только смог приплести, – не знаю, чего больше было в этом восклицании: негодования или презрения. – Времена меняются, люди остаются прежними. Миру Ночи – ветер в спину, а бедолагам – все в лицо.

Палеолог, как я понял, обывателей не жаловала. За редким исключением.

О ветре: когда Чеславу ветер донес, что его без пяти минут ученика и подручного чуть на тот свет не отправили, он – Чеслав – взъярился. Вместе с Чеславом взъярился и ветер, обратив июльскую грозу в ураган. Вырывались с корнями де-

ревья, рвались провода, разлетались осколками окна. Движение поездов в пригородах на несколько часов остановилось.

Рабочая смена следующим вечером прошла с пустым залом и с раздевалками, полными зонтов. А уж как распирало от ехидства Борееву... «Бюро находок? Здравствуйте, моя фамилия – Смольный. Я тут крестик с позолотой потерял, вам не поступало, случайно, заявки о нахождении?»

Смольный собор, точнее, его основной купол, в результате буйства стихии лишился креста. «Крестик» золоченый в шестьсот кг весом и около шести метров в длину был сбит молнией. И другому кресту перепало, правда, без падения.

Тучеводец разошелся вовсю. Я на этот буйный шторм успел наглядеться. Сначала из салона авто, затем в провал на месте вторых уже ворот гаража. Или это прежние обратно поставили после первого происшествия?

Сергей Крылов приехал на пожарище один, без подполковника. Семен Ильич был занят попытками утихомирить Хозяина Кладбища в Пушкине. О непонятной ситуации с Казанским кладбищем служивый рассказывал нехотя.

Дело было так: кто-то сумел воздействовать на кладбищенскую нежить, а потом устроить погром с разбитыми надгробиями, с заваленными и перевернутыми крестами. Может, и еще с чем – я за что купил, за то и продаю. Сторож – человек без всяких там паранормальных сил – попытался помешать безобразию. Ему пообещали повешение: затейливое, вниз головой, с последующим кровопусканием.

Сторожу хотелось жить – нормальное стремление, я его отлично понимал. Так что беспредел продолжился. Там, на том же кладбище, еще и склеп обнаружился, изрисованный занятной символикой изнутри. Понять масштаб негодования Хозяина Кладбища (не того, который сторож, а неживого) я мог. Я бы тоже был дико зол, если бы меня вырубили в собственном доме, разнесли жилье, извадюкали стены и пригрозили бы Кошару умерщвлением.

Так что Семен Ильич с тем могильным вандализмом застрял всерьез и надолго. Самого Сергея тоже дергали который день. То одно случалось, то другое. Баламутило наш город. Одних пожаров за прошедшие дни было больше пятидесяти, и это не считая ложных вызовов. В огне сгинул один дощатый дачный домик в садоводстве... И Ковен Северных Ведьм лишился еще одной участницы. Я уточнил: нет, не Злате досталось.

Усталый парень в милицейской форме делился со мной произошедшими событиями, а в моей голове звучало: «Я столько шума наводил тут, загонял псов шелудивых. И меры принял».

Неужели это все – дело рук «костюмчика»? Ради того, чтобы под шумок расправиться с одним-единственным мной? Нет, в такой размах мне решительно не верилось. Слишком круто. В то, что охрана перепилась не случайно – верил. Это тянуло на принятые меры. Что до прочего, убежден, там иные цели преследовались. Особенно тот кладби-

щенский разгром.

М-да, если Хозяин Кладбища, что бы тот из себя не представлял, в ярости столь же суров, как Чеслав, то в Пушкин в ближайшее время соваться не стоит. Я бы сказал, что мне там нечего делать, но... В Пушкине живет Бартош. Живет с сестрой, и меня к себе не звала ни разу. Оно и понятно, у меня во всех отношениях удобнее. А так... нехорошо было бы поехать в гости к девушке, и отхватить случайно метко брошенным крестом. Не соборным, могильным. И услышать вдогонку что-нибудь вроде: «Низко полетел. К дождю».

Ладно, про Бартош потом. И про Чеслава потом. Судя по сведенным в линию соболиным бровям, хозяйка дома что-то мне поведать решила. А ее слова мимо ушей пропускать не стоит...

– Андрюшенька, милиция установила личность погибшего, – о каком именно погибшем речь, я понял без уточнений. – Его звали Игорь Викторович Липин.

Дальше я молча слушал, как хозяйка сухо перечисляла факты биографии моего несостоявшегося убийцы. Моей жертвы.

Тридцать три года, не состоял, не привлекался, прочие «не». Профессию я не угадал. Юрист он был, а не банковский служащий или искусствовед. Жил с матерью. У матери паралич нижних конечностей. Когда он не пришел домой, мать всполошилась. По ее заявлению и сопоставили...

Вообще, мне повезло, что таксист смог подтвердить часть

истории, с совместной поездкой. И с нестандартным ее, поездки, завершением. Он, водитель такси, очнулся уже после завершения осмотра гаража Крыловым. Там же, в черном нутре дважды выгоревшего гаража, я поклялся Луной. В том, что сказанное мной – сказано без утайки, а душегубство свершилось в попытке защитить себя самого. Формулировку подсказал Сергей, сам бы до такого не додумался.

Причем я сначала эту клятву дал, а только потом подумал о Праскуне Карасичне. Об участии в случившемся дочки водника я служивому не сказал... Пронесло: видимо, не столь серьезное то было умолчание, раз не посчиталось за «утайку». Полагаю, толкование именно мои действия с моими же словами соотносило. И со словами-действиями погибшего.

Липин, который Игорь Викторович, не относился к миру Ночи. Он был обыватель – и это обстоятельство, похоже, здорово бесило Федю Ивановну.

Сейчас сотрудники правоохранительных органов, опрашивали коллег Игоря Липина, шерстили его знакомства, особенно недавние. Проявляли бурную деятельность.

Как преподнесли матери Игоря факт гибели сына, Палеолог не сообщила. Не думаю, что ее сей нюанс волновал хоть сколько-то.

– Должен остаться след, – без особой, впрочем, убежденности сказала хозяйка квартиры. – Некая «она», упомянутая в разговоре... в монологе, может быть вашей общей знако-

мой.

О том, кто такая «она» я думал чуть ли не постоянно. Безрезультатно: не было у меня кандидатур на эту роль. О чем я и сказал начистоту специалисту по древним рукописям и прочему, и прочему. И еще одно соображение присовокупил.

– Его мать нуждается в уходе, – с ощущением давящей плиты поверх груди озвучил я. – Что теперь с ней станется?

Взгляд Феи Ивановны потеплел. Похоже, я поторопился с выводами касательно ее отношения к простым смертным.

– Верно подмечено. Есть в вас потенциал, Андриюшенька, – похвалила меня она. – И с поиском покровителя не стали затягивать, и выводы делаете верные. Покровитель ваш, конечно, тяжел и буен нравом, зато и силен. А за догадку про старшую Липину – хвалю. Знакомые-влекомые – одно, а судьба матушки сгоревшего – другое. Не исключено, что к Зинаиде Петровне наведается кто-то из сей группы... или даже организации.

Во рту появился привкус, будто вместо цельных ягод в креме недавно съеденного пирожного были куски соли.

Тот, кто пытался меня укокошить, а в результате сам стал прахом, и тогда-то не тянул на злодея. А теперь, в свете приоткрывшихся подробностей...

Возможно, мои представления о злодеях далеки от реальности. И матерые убийцы, если не все, то через одного, рассказывают своим жертвам несмешные анекдоты, с сожалени-

ем твердят о неприятной, но жестокой необходимости. Дымят, как паровоз. А вне своей преступной деятельности заботятся о больных родителях. Как знать.

– Не беспокойтесь, меры уже приняты, – по-своему истолковала мою гримасу Палеолог. – К даме приставлена сиделка. Без пригляда она не останется.

– Когда наблюдение утратит актуальность, – я плеснул себе водички из графина, выпил одним глотком в попытке смыть воображаемые соль и горечь. – Что тогда?

Хозяйка повела плечами.

– Покон запрещает посягать на детей и родителей, – с серьезностью проговорила она. – Пусть эти люди не из мира Ночи, но вреда той женщине никто не причинит.

«Хотя бы так», – подумал я. Горчить на языке стало чуть меньше. И то еще утешило, что, случись мне набедокурить в этом самом мире Ночи, его представители не отыграются на моей родительнице. Жаль, нельзя быть уверенным в том же относительно обычных людей.

– Не отказался бы побольше узнать про этот Покон, – со всей вежливостью спросил я.

– С этим вам, Андрюшенька, к ведающим обратиться стоит, – отозвалась она. – Или к кровителю. Иным чужого подопечного наставлять не след.

Я представил, как обращаюсь с тем же вопросом к ведьме Злате, поежился. Решил, что лучше будет потолковать с планетником.

– И снова благодарю вас за беседу и ужин, – наклонил голову – она у меня не отвалится, а уважения не бывает много. – Сегодня снова обещают грозу, хотел бы обернуться до ее начала.

Палеолог довольно резко подняла руку в останавливающем жесте.

– После нашего с вами прошлого разговора у меня остались сомнения, – после недолгих раздумий сказала Федя Ивановна. – Великое множество сомнений. Верно ли я поступила, умолчав о том, что мне известно... Ведь тот, кто выступал носителем семейной истории, более не может ни о чем поведать.

Что да, то да – отец унес с собой в могилу все те знания о семейном древе, которые мне быгодились. Не зря же Кошар неоднократно намеками про кровь разбрасывался. И неспроста дядька Демьян что-то в доме своем деревенском накрутил. И домовика застрашал...

– Ваш род был уважаем и известен, – не дождавшись от меня иной реакции, кроме задумчивости, продолжила хозяйка. – В пору величайшего своего могущества – весьма влиятелен. Не стану утомлять деталями. Возникнет интерес – ознакомитесь с книгой, я для вас одну подготовила.

Она поднялась с дивана, прошла до книжных полок. Вернулась с томиком в зеленом переплете. Я поблагодарил, недоумевая: мне-то говорили, что фамилия нашей семьи из семьи «мастеров лаковых дел» пошла. Художников-живо-

писцев. Какое влияние, какое могущество у людей искусства? Нет, может, я чего-то не понимаю, и вообще зря ловил мух на уроках истории, но... Как-то не вязалось одно с другим.

– Скажу сразу: я к истории вашего рода никакого отношения не имею. Кровные родичи мои со стороны матушки – те да, пересекались, устремлениями и не только, но не я, – говоря о родичах, Палеолог поджала губы. – То, что мне известно – лишь результат любопытства. Когда живете долго и не проявляете ни к чему интереса, стоит убедиться, все ли в порядке. А то, может статься, вы уже мертвы.

– Сдается мне, это и к короткоживущим вполне относится, – не удержался я от комментария.

Эти мои слова были встречены благосклонной улыбкой.

– Так вот, о годах расцвета и о пресечении рода вы, Андрюшенька, прочтете на досуге сами, – моя собеседница кистью указала на книгу. – Я же посчитала нужным сообщить вам другое. Вы – не первый из рода Бельских, кто прошел сквозь огонь и уцелел.

Я подался вперед, не скрывая своей заинтересованности. Полагаю, любой на моем месте повел бы себя так же. Сведения, что решила мне передать Палеолог, по одним только оговоркам тянули по ценности на бриллиант в дорожной пыли.

– День начался с ясного неба, безветрия и щебета птиц, – хозяйка откинулась назад, смежила веки. Вспоминая? Зазы-

вая в давнишние воспоминания меня? – О ханском войске, обошедшем разряды, знали. Но безбоязненно ждали: воеводы успели войти в город. Вот – воины, чего за их спинами страшиться? Подлых захватчиков, железа да стрел? В домах укроемся, в церквях...

Изогнулись в усмешке губы, так, что я невольно сравнил их с движущейся змеей.

– Простите, что перебиваю, – встрял в рассказ. – Но можно ли чуть поконкретнее? Что за город, что за хан? Насколько помню, набегам куда больше одного хана занималось. Что за воеводы, опять же?

Она глянула на меня с укоризной, чего я якобы не заметил. Эта манера Феди Ивановны речь заводить не с начала, а откуда-то с середины истории, здорово сбивала с толку. Возможно, на то и был расчет. Возможно, обычный круг ее собеседников настолько «в теме», что не нуждается в уточнениях и датировках. Я не таков, и сбиваться с толку мне еще в прошлый раз не понравилось. Так что – восторженный туземец улыбается и машет. Опробованный ход, действенный.

– Город на Москве-реке. Год, когда заполнилась река эта – трупами, – вроде как ответила на мой вопрос Палеолог, но все в той же манере «сам догадайся». – Хан Девлет-Гирей. Из воевод интересен и важен один – Иван. Дмитриевич, как и ты. Иван Дмитриевич Бельский.

И пауза – я к таким в исполнении Феди Ивановны уже начал привыкать. Эх, мне бы знание и страсть к истории, как

у Бартош – глядишь, и понимал бы с полуслова озвученные воспоминания специалиста по древностям.

– Царь – тоже Иван – тот берегом ушел из города, – не дождавшись от меня реакции, кроме все тех же интереса и внимания, продолжила хозяйка. – Хан же обрушил на город огнище: посад... предместье подожгли по его приказу. И сменилось безветрие шумным огненным штормом. Казалось, поджег хан само небо, и то, обрушившись, пролилось огнем на землю. Помчалась по улицам буря пламенная, срывающая крыши, сжигая все на своем пути.

Пересказ событий взбудоражил. Шторм с ярчайшими молниями, на днях отгремевший над городом, стоял перед глазами. Представилось, как вместо ливня потоками хлещет огонь, как раздувается он в бешеных порывах ветра. Как выжигает во все стороны – и строения, и людей.

И как стоит в этом пламенном безумии невысокая девушка. Ее руки раскинуты, в темных глазах плещутся отблески огня.

– Впоследствии Иван Бельский был признан погибшим, – резко сменила настроение повествования Палеолог. – Задохнувшись в подвале своего дома. Однако же, несколько лет спустя, мой знакомец, заслуживающий доверия, собственными глазами видел Ивана Дмитриевича. Живым, здоровым и необожженным. Слово того свидетеля, как и слово мое – крепко и истинно. То был он, а не кто иной.

– Как такое возможно? – удивился я. – То есть, если бы

обгоревший труп приняли за него, я бы понял. А если он задохнулся...

Девлет-Гирей, горящая Москва и Иван на царстве – это который Грозный, тут даже я догадался. Первопрестольная вспыхивала неоднократно, но, чтобы так круто – не каждый год. И привязка к личностям.

Тут, пожалуй, то сыграло свою роль, что урок о набегах Девлет-Гирея пришелся на время болезни нашей исторички. Ее подменила молоденькая студенточка. И вот она урок вела так, что хотелось не только на симпатичную фигурку глядеть, но и слушать, что именно практикантка говорила. Так что в моей памяти отложился в неплохой сохранности урок про набеги эти. Один из них привел к страшному горению, и пленению тысяч мирных жителей, а второй завершился убедительной, разгромной победой над татарами. Побили, посекли – говорилось про наших; побежали, потонули – про неприятеля.

Что по тем временам было в развитии криминалистики? Полагаю, шиш да маленько, как Мал Тихомирыч выражается. Подкинуть что-то из фамильных украшений, доспехи напялить на схожее ростом и комплекцией тело. Обуглить до неузнаваемости. Готово! Формулировка «задохнулся в подвале» неузнаваемости не предполагала.

– Меня не спрашивай, «как», – покачала головой Федя Ивановна. – Способы разные есть. Может, мороком, может, подкупом. Ближе первое, так как при встрече той Иван был с

колдовкой рядышком. А та как раз хороша была в наведении мороков. И знаю я, что с той колдовкой прыгали они через костер в купальский праздник. Закона то не нарушило: жена Ивана из Шуйских уже упокоилась. Знаю, что позже родился у них сын. Родовое имя тот взял по матери.

– К чему такие сложности? – задал вслух я крутившийся на языке вопрос. – Чтобы жену сменить?

– Если б только для того, – сдержанно улыбнулась моя собеседница. – Проще было несчастный случай повернуть. Не с собой, с женой. Нет. Царь, осмеянный ханом, не простил бы воеводу. С Бельскими и до того было остро да колко, а тут воевода город не уберег. Ему бы под ноги так и так углей подгрести. Может даже, ввиду высокого родства, сам царь своим посохом и подгрест бы... Нет, не жить было Ивану после сожжения Москвы. Другое любопытнее: как он из горящего города вышел?

– И как же? – не стал я разочаровывать Федю Ивановну, та явно этого вопроса от меня ждала.

– Не знаю, – с улыбкой развела руками она. – Знаю лишь, что костер с новой женой он перепрыгивал – одним из нас. Одним из мира Ночи.

– А поподробнее? – это уже самый настоящий интерес был. – Кем именно?

Серьезно, я-то уже настроился на то, что покровы тайны с картины фамильного древа будут сорваны. Целиком и полностью.

– Знакомец мой не спрашивал напрямик, – изобразила сожаление специалист по древностям. – А я не просила его, чтоб допытывался. Не столь велико было мое любопытство. Это повлекло бы за собой либо долг, либо неприязнь. Я такого не люблю.

Спрашивается: и стоило ли меня дразнить?..

– Вы предположили, что огонь признал меня за своего потому, что мой предок, возможно, с огнем был в ладах? – эту речь я произнес, скорее, для Палеолог, чем для себя. – А как так получилось, что я – Андрей – снова Бельский? Не какой-нибудь... не знаю, Петров?

– Про сродство с огнем и кровь общую вы верно мои догадки истолковали, Андрюшенька, – просияла Федя Ивановна. – Подлинно говорю: возвышение ваше – лишь вопрос времени. Про фамилию же: другой ваш предок, живший уже позже, воспылал чувствами к девице из рода живописцев Бельских. Принял сие, как знак. Вошел в род.

Значит, были-таки живописцы. А то я успел подумать, что про них мне лапшу на уши вешали.

– Безмерно признателен вам за этот экскурс, – повторно согнул шею. – За мной...

И снова взлетела кисть руки в останавливающем жесте.

– Все, что мной сказано – сказано по доброй воле, без долговых обязательств, – казенно проговорила она. – В знак моего к вам расположения.

После этого я снова засобирался, и чуть не забыл про еще

один вопрос. Не то, чтобы особой важности он был, но у кого еще о таком спрашивать, как не у специалиста по памятникам письменности?

– Федя Ивановна, а не подскажите, почему планетника так называют? Немало я всяких новых слов узнал за последний месяц, и все они были... как бы так выразиться... О! С налетом старины. А планетник на их фоне сильно выделяется. Чужеродно звучит, я б сказал. Тучеводец – куда как ближе.

– Вам бы по стопам батюшки пойти, – всплеснула руками моя собеседница. – Раз подобное любопытство возникает. Взгляните: вы слышите слово, трактуете его на современный лад и потому замечаете нестыковку. В вашем понимании, в том значении слова «планета», как оно вам известно и привычно. Небесное тело, вращающееся по орбите вокруг звезды.

Я невольно кивнул: как слышу, так и пишу, так и выводы делаю.

– Оставим современность в стороне, – Палеолог проделала жест, будто бы и впрямь отодвигая что-то от себя подальше. – Слово это интересное. Небесная планида – так в старину говорили не только о судьбе, но и о сильной грозе. В украинской речи есть слово «планитуватий», означает «сведущий во влиянии планет на погоду». А в старопольских говорах мы встречаем слова «planeta» и «planetnik» – знакомо звучит, не так ли? Значения: «облако» и – внимание! – «человек, управляющий облаками».

– О как, – выпалил, дослушав эту импровизированную лекцию. – Был не прав. Судил поспешно.

– Это лишь недостаток знаний, – мягко сказала хозяйка. – Причем довольно специфических. Был бы с нами ваш батюшка... Простите, что напомнила о вашей утрате, Андрюшенька. Я все еще печалюсь о потере его записей, которые многое могли бы дать миру слова.

А вот в этом «простите» я не услышал подлинного сожаления. Наверное, потому, что из памяти не выветрилась реакция Лены-Хелен, вурдалачки, когда та узнала, чей я сын. Причем та вурдалачка чуть ранее была готова меня выпить досуха.

Я рассыпался в благодарностях и поспешил удалиться.

От Феди Ивановны я вышел в смешанных чувствах. С одной стороны, сказано мне было много. Разного и нового. С другой – сведения не были полны. Как были прорехи в моем семейном альбоме, так и остались. Новые лица добавились, да. Но в таких дальних далях, что мне от этого добавления практической пользы чуть. Дыры же в ближней истории никуда не делись.

Почему рассорились отец с дядей? Что из себя представлял дядька Демьян?

Выходило так: один предок с «колдовкой» семью построил, другой, если верить домово́й нечисти, «бесовок, мертвячек, кикимор и ведьм» бить предпочитал при помощи ремешков с заклепками. Очень необычных ремешков, надо

сказать – от удара с такой обмоткой взвыл один знакомый вурдалак.

Противоречие? Как по мне – еще какое.

Так что, все, сегодня мною узнанное, было весьма занято, но малоприменимо к текущим вопросам. Кругозор расширил – и то ладно.

Федя Ивановна же, показательно отказавшись от платы за переданные сведения, связала меня прочными узами «расположения». По правде говоря, я бы предпочел четко сформулированный долг. Потому как ввязываться в игры и «симпатии» специалиста по древностям куда дороже.

Все помнят про бесплатный сыр? А этот сыр подан с улыбкой, с мурчанием – кошкой, прожившей сколько-то там сотен лет на белом (и не очень) свете. Кошка – иносказательно, зато про сотни лет на свете – прямее некуда.

Я бодро переставлял ноги, тогда как «чердак», который голова, был забит не особо жизнерадостными, пасмурными мыслями. И о прошлом-давнишнем, и о даме, подкармливающей меня сладостями (с собой, кроме книги, мне снова упаковали несколько коробок с десертами) и информацией. Еще были мысли о женщине, лишившейся сына... Эти были особо серы.

Как затянувшие небо тучи. Сумрак по низу, сумрак по верху, в отражении луж – серость.

Неоднократно слышал я утверждение, мол, Питер вообще – сер. Всякий раз удивлялся: мы про один Питер речь ведем?

Потому как мой Петербург полон красками. Может, не все они яркие и броски. Может, говорящие про серость были в городе только в дни непогоды, когда скрадываются цвета и размываются линии. И, не могу не согласиться, фасады многих зданий стоило бы мыть почаще. Но... а, не важно. Не стану убеждать. И без того отвлекся.

Вот, стоило подумать про серость и краски: вышел к перекрестку, а там девушка с огнями. Вращает, подбрасывает две штуковины вроде вееров с фитилями на длинных металлических спицах. Получается что-то между танцем и жонглированием – красиво, завораживающе. Я такое впервые вживую видел, раньше только по «зомбоящику» наблюдал. Что сказать? «Живая-то лучше!»

Темень и вот такое промежуточное состояние, когда небо уже заволокло, но лить с него еще не льет – самое то для таких представлений. Исполняла свое искристое шоу девушка под бой барабанов. Парень позади нее отбивал ритм на двух «пузатых» инструментах. Звук украшал действие, добавлял к нему некой первобытности.

Я простоял минут десять, любуясь золотистыми бликами. Оставил в ящике пару купюр. Улыбнулся.

Все-таки город – это не только архитектура и история. Это и те, кто в нем живет.

Запищал рингтоном мобильный.

– Хвостатым – физкульт-привет, – положительно, на меня увиденное шоу повлияло... положительно, отвлекло и взбод-

рило.

– Вот именно, что физкульт! – бодро отозвался Макс (и даже без мата – в лесу кто-то сдох). – Ты с того года не подзабыл, с какой правой стороны ручка газа, и с какой левой стороны ручка управления сцеплением?

В прошлом августе Находько прихватывал меня в нагрузку, когда их компания проводила учебные занятия для знакомых барышень. Я не был барышней, зато сработал, как прикрыттие от ревнивой жены Макса. Прикатись он на тот выезд один, и прознай она об этом – устроила бы ему веселую жизнь. Я с его женой немного знаком, это очень резвая и настойчивая дама. Не удивлюсь, если выяснится, что она – как и он, не совсем человек.

– Не блондинка, не путаюсь, – хмыкнул, припомнив самую необучаемую из стайки юных дев, с какого-то перепугу решивших приобщиться к романтике езды на байке. – Только прав у меня с того года как не было, так и не появилось.

– Ититушки, ура! – возрадовался совершенно искренне Шпала. – Через полчаса на Финбане. «Конь» с нас, шлем с нас. Права к херам и прочим полосатым палкам. А на обратной – в сауну закатимся. Да?

– С этого и следовало начинать, – подтвердил я свое участие в чем бы то ни было.

– Там еда, – дернул за рукав прохожего, тоже остановившегося поглазеть на выступление. – Пирожные. Пусть ребята перекусят.

Я быстренько пристроил рядом с ящиком, где блестили монетки и скромно жались в уголок немногочисленные купюры, пакеты со сладостями. При себе оставил только тот пакетик, в котором лежала книга. И поспешил – вечер переставал быть томным.

– Чеслав, только без ливня сегодня, пожалуйста! – проговорил вполголоса.

Не факт, что тот меня услышал, но обошлось без ливня. И без грозы, обещанной Гидрометцентром.

... Накануне я как раз спрашивал планетника на тему слышимости. Вне помещений его ветер гулять может, где ему вздумается – «прослушка» идеальная, если вдуматься. Никакими техническими средствами ее не засечь.

При второй нашей встрече на Сенной он сообщил, что его «послание передал ветер». Иначе говоря, он поставил в известность всех значимых представителей мира Ночи в пределах Петербурга касательно меня.

О том, что с этих самых пор я – под его, Чеслава, рукой, и чтобы никто даже думать не смел причинить мне вред. Разве что подручный его сам проявит себя таким дураком, что даст повод к нападению. Понятное дело, отщепенцев вроде Шпалы оповещать планетник не стал – много чести.

Спорное решение в моем понимании. Раньше обо мне обитатели мира Ночи в большинстве своем знать не знали. Мы не то, что краями – вообще никаким боком не пересекались. За редкими исключениями, вроде водных духов. Те-

перь наличие в городе огневика станут учитывать в раскладах... И не обязательно эти расклады будут в мою пользу.

Впрочем, сделанного не воротишь, поэтому я молча принял случившееся к сведению. Ладно, не совсем молча... Кое-что спросил все же.

– Ветер свой ко мне приставлять не будете?

Чеслав махнул головой.

– Кто знает цену свободе, как не палач? На плахе остается плата за проступки. Кровь да вспухшая от кнута кожа – за мелкую провинность. Залитие горла – за чеканку фальшивой деньги. За измену и предательство – петля. Заплатил – свободен. Ветер приставить – как в клетку без стен посадить. Нет в ней свободы, лишь видимость.

Я оценил его прямоту.

А нелюбимая мной подземка знала цену быстрой поездке: кроме жетончика, я заплатил головной болью. Нет, неправильно говорю: заплатил головой не болящей. Или даже так: бонусом к скорости мне выдали мигрень. Раздражающую и не уходящую почему-то после волны живого огня.

Оттого, напяливая на голову выданный Находько мотоциклетный шлем, я скрежетал зубами. Вообще эта ноющая и постреливающая гадость была не в тему. Я даже проигнорировал появление в рядах галдящей и развеселой компании знакомого лица. Подумаешь, пригласил Макс и ее тоже. Вот, если у нее таблетка от боли при себе найдется – другое дело.

– Мы со всеми выдвинемся или как? – спросила Ира, огля-

дывая собравшихся мужчин и их байки. – О, привет, Бельский!

Ирка, наше «маленькое начальство» с работы, была единственной особой женского пола возле гаражного ряда. Интересно, Шпала сказал, что в клуб ей не попасть, кроме как гостем или «грузом»? Или «собственностью», но такое я при Ире поостерегся бы озвучивать. А «цвета» – это мимо нее по определению.

Тех прошлогодних барышень катали не за так. Мероприятие было проплачено. Можно сколько угодно скалить зубы, заявляя о свободе, ветре в лицо, связи с миром и прочих бесконечностях. Но обслуживание техники, даже такой неприхотливой, как выделенные нам с Ирой «Ижи», стоит денег. Бензин стоит денег. Вообще ничего не падает из воздуха само, даже крест с купола Смольного.

– Не, мы не будем тормозить парней, – отозвался Находько. – Отдельно. После них покатым.

Услыхав это «после», я стянул с болящей головы громоздкий шлем.

«Хех», – мне стала понятна радость Макса от моего согласия на совместный выезд. Жена его, прознав о поездке вдвоем с другой женщиной, не стала бы вдаваться в подробности. Ей было бы фиолетово, насколько наша начальница «свой парень», и как ровно дышит к ней Макс.

– Приветствую руководство, – стараясь не морщиться от громких звуков (то тут, то там уже порывивали «звери») вы-

говорил я. – Ты какими судьбами тут?

Задумался: Ирке в клубе своей не стать, тогда как Шпала – в доску свой. И он вообще не человек. Впрочем, прознай его братья по клубу про иную личину Макса, еще и восхитились бы. Его наглая морда с хищным оскалом отменно сочетается с клубной символикой.

– Этот, – она махнула рукой в сторону Находько. – Отрабатывает должок. За смену, которую пролюбил, а позвонить, предупредить о пролюбе – забыл. Я тогда прикрыла его тощий зад.

«Поджарый и хвостатый зад», – мысленно внес я поправку.

– Это после... – одернул себя: про наши похождения в Михайловском замке и под ним говорить при посторонних не стоило. – Когда Ханна уезжала? Слушайте, от головы есть что-нибудь? От раскалывающейся?

– Тогда, ага, – ответил Шпала, покосился в сторону начальства.

Оно и понятно: подробности в другой раз.

– В моей сумке, – слова ее прозвучали, как песня. – Макс, куда ты ее дел? Держи газетку, страдалец. Потерпи, спасем тебя.

Как-то так я остался один. Дюжина шумных мужиков на той же территории не в счет, им до меня дела не было. Ира со Шпалой отошли, чтобы облагодетельствовать меня лекарством. Оставили перед уходом экземпляр печатной прессы.

Сегодняшний «Вечерний Петербург».

Газет я давно не читал. В них ничего обо мне не пишут, так зачем они мне? Вот подстелить под что-то грязное – это можно.

А тут – потянуло на чтение.

«Привидения в петербургских дворцах», – я трижды перечитал название, чтобы убедиться – нет, не привиделось. Привидения были в заголовке. И во дворцах, по мнению автора статьи. Вчитался.

«Наши корреспонденты вам расскажут, любезный читатель, о тех местах, где привидения – дело обычное, и если там их встретите, знайте: все путем. Привидения, встреченные вами в других местах, следует считать последствием перегрева вашей головы, на которую в данном случае следует надеть кепку».

Кепку? Кепку?! Чем поможет кепочка при встрече с призраком? Или уже после полученного теплового удара?

«Видимо, писала женщина», – я покачал головой, получил за это очередной болезненный «выстрел».

«И не думайте, что настоящие привидения являются только ночью», – было сказано дальше.

Ночью, в кепке, не думать. Все веселее и веселее.

Дальше следовало скучноватое перечисление мест, где видели призраков. И что это были за призраки.

Необщительное привидение в Эрмитаже – Николай I. Какое-то мутное описание хрупкой дамы в Русском музее. Ар-

хитектор в Академии художеств, являющийся студентам. Всегда к несчастью.

Собор Петропавловской крепости и привидения, стук которых слышит дежурный мужского (подчеркнуто – непременно мужского пола). Дом старого каретника на Большой Мещанской с медленно проявляющимися теньвыми картинками на стенах.

Не припомню дворцов, которыми владели бы каретные мастера, ну да пусть.

Дело дошло до Инженерного замка. В нем была отмечена Белая дама в золотых башмачках (снова эта манера расписывать, кто во что наряжен – они же мертвые, какая разница?). Призрака Павла I тоже вниманием не обошли. «Он был бледен и наигрывал на флажолете – старинном музыкальном инструменте, напоминающем флейту».

Эту бы авторшу, да спиной бы по ступенькам. Наигрывал на флажолете... У меня прямо в духе Шпалы родились ассоциации, с инструментом, напоминающим флейту, и с автором статьи.

Серьезно, я не выдумываю: все, что я тут рассказал, было в печатной форме изложено. Без дураков.

Впрочем, вскоре эта призрачно-дворцовая чушь выветрилась из моей головы.

Мы не лихачили, конечно. Для Иры это была первая поездка. И я в плане опыта езды недалеко от нее ушел. Но байк – это байк. Это концентрация на пределе. И, одновременно

с тем – свобода. Отзывчивость и мощь. Отрыв от всей будничной шелухи, от скуки и стабильности. Отрыв – в нем вся соль.

Поворот, на котором сосредоточился не в полной мере – и переднее колесо проходит по обочине. Опасность, которая рассекает воздух перед тобой. Момент в точке, что может стать чертой, разделяющей жизнь и смерть. Контроль этого момента – суть свободы.

Там, на повороте, мы немного разошлись. Макс с Ирккой понеслись дальше, тогда как я замедлился. По нервам мне та черточка прошла, ровно что бормашина, только не точно «в зуб», а прямо от затылка до пяток.

Когда я сбавил скорость, в мой ряд перестроились молодички в дребезжащей «коробке». В долбанном ржавом ведре – «копейке». Попытались подрезать. Зачем? Кто их знает, может, захотелось впечатлить девиц с заднего сиденья.

Резко вспомнился совет от Шпалы: «В любой непонятной ситуации – газуй! Если кто решит взбрыкнуть на дороге, типа защемить без поворотника, отбей удоду зеркало – упырь в него все равно не сечет. Сурпрайз, гайз».

Мой добрый и заботливый приятель... Добрый – потому как сплавившаяся со мной сущность аж взвилась, предлагая подогреть ребяткам салон изнутри.

«Пусть едут», – осадил я ретивого, прижавшись к обочине.

Вообще конь металлический коню огнегривому пришелся

по нраву. Я это прямо-таки физически ощущал. Они даже ревели в унисон.

Байк – это независимость. Превосходство. Простор.

Нет, я не утверждаю, что таков байк для каждого. Он таков для меня. Уверен, что таков он и для Шпалы. Или даже больше... О таком не спрашивают.

Ирка по завершению поездки с «Ижа» сползла с помощью Макса. Колени тряслись, а глаза были шальные-шалые. Позднее, в сауне уже, куда мы так же ввалились втроем, она требовала с Находько обещание.

– Проконсультируешь меня с покупкой.

– Так прет рулить по ямам? – заржал Шпала.

И получил тычок за подколку.

Яма – «пит» – это то же, что и игровой зал (место, где ведутся игры). Можно провести очень грубую аналогию с оркестровой ямой. И так же называют тумбу, в которой хранятся всякие нужности. Сменные колоды карт, шарики, запасные срезки и прочее.

Ирина – наш пит-босс. Она «рулит по ямам».

– Скотина ты серая, Находько, – фыркнула наша начальница. – Я в бассейн.

«Ты даже не представляешь, какая!»

Бассейн в сауне имелся, но малюсенький. Как три-четыре моих ванны. И чуть поглубже. Повалиться в водичке можно, поплавать не получится.

– Смотри, чтобы со дна не пришлось поднимать, – махнул

рукой Макс. – Как «К.Э. Циолковский».

– Это ты про теплоход? – встряхнулся я.

– Про него, тля, – хмыкнул приятель. – Рвануло на нем с неделю назад. «Пожарные! Тушить!» Тазик на дно ушел. Контора-владелец: «Пожарных косяк. Душить!» Человечишки такие человечишки...

Выходит, утянул тогда водник судно. Разозлился он тогда крепко, конечно. Возможно, поэтому Федя Ивановна вспомнила про обожженного «спящего красавца». Как раз в связи с шумом вокруг затопления теплохода. Или на что-то мне намекала, а я сообразить не могу, на что.

– Макс, про отъезд Ханны... – вспомнил я еще одну прозвучавшую фразу.

– С ней все пучком, – отозвался Находько. – Я ее немножко проводил. Кое-что, как выяснилось, от предков лисоньки сохранилось. Мы это изъяли, отнесли в одно местечко, где... – он замялся, подбирая формулировку, а заминки для напористого Макса совсем несвойственны. – Разбираются в старинных предметах.

– Постой, – я чуть оторопел. – Случайно, не на Кирочную отнесли?

Двумя часами ранее я выяснил, что на Кирочной улице находится «скромная лавка» Феди Ивановны. Правда, на уточнение, не у нее ли некие чувствительные к запахам существа закупаются особыми порошками и другими полезными штукаами, мне ответили отрицательно.

– Так ты в теме? – удивился Макс.

– Мир тесен, – отозвался я. – И что там было дальше? С Ханной?

– Дальше мы махнули в Ригу, – как само собой разумеющееся, сообщил Находько. – Нашли одного ме-э-эдленного дальнего родственника Луккунен. Он вроде не такой тупой, каким пытался выглядеть. Я передал лисоньку в его ме-эдленные лапы и отчалил. Конец истории.

– Это хорошо, – с облегчением сказал я. – Славно, что она нашла кого-то из своих. Пусть и дальше все у нее идет, как задумано.

Шпала кивнул. Вот может же он, когда захочет, вести себя, как нормальные люди.

– АБ, слушай, – после недолгого молчания серьезно и вопросительно обратился ко мне Макс. – На понедельник-вторник планы есть уже?

– Кроме как отоспаться? – я ненадолго задумался. – Нет, никаких. Свободен, как ветер. А что, есть предложения?

Макс сделал отмашку заглянувшей к нам местной работнице, чтобы та шла пока подальше.

– Надо сгонять в уезд... – Шпала перекосячился, как от кислоты. – Короче, дело к ночи. Есть родственница. Не моя, супруги. Племяшка. Жила себе, росла себе – была как все. В мае ей стукнуло четырнадцать, и понеслась душа по кочкам.

– Ты излагаешь очень образно, дружище, – вздохнул. – Но не очень информативно. Я пока не понимаю ни черта: ни что

там с девочкой не так, ни зачем тебе я для «сгонять».

Макс сочно выматерился, как бы выпустив за раз одним «выхлопом» все, что не досказал этим вечером. А оно явно рвалось наружу, свербело.

– Она начала сбегать в лес, – снова вернулся к «цивильной» речи приятель. – Не так, как, скажем я... Просто уходить в лес. Ни с того, ни с сего. Без предупреждений, без поводов. Ее уже трижды искали, прочесывая лес. Когда находят, она обычно босая пляшет и поет. Не ту дребедень, что по радио гоняют, а такие... далекие от современности песни.

– Народные? – уточнил я у явно нервничающего Макса.

– Блатные-хороводные! – взорвался он. – Иптить-коптить, АБ! Про огнедеву она песни поет. С огненным змеем. И как невменяемая во время этих песнопений. Мигалки стеклянные, тело ватное, из рук спасающих вырывается. Одного покусала. Жена психует – родная кровь же. Она – племяшка – не как я, уже проверил. И фиг поймешь: в дурку сдавать ее или оставлять, как есть. Зверям лесным на прокорм, раз ее туда тянет.

Шпала впечатал кулак в скамью.

– Хорошо, это я понял, – успокаивающим тоном сказал я. – От меня что требуется?

– Светочем твоим ее засветить бы, – из Макса будто выпустили пар. – За мной будет долг. Независимо от того, что ты в ней углядишь.

– Не надо...

Договорить мне коллега не дал. Рывкнул так, что очередная работница, заглянувшая нас проверить (на массаж пригласить, все дела), затряслась мелкой дрожью. Испарилась.

– Сказал – долг, значит – долг, – нахмурился Находько. – Словом не разбрасываюсь. Мне важно прояснить, что с ней не так. Я же к ней уже сам обращался. Спрашивал: «Мелкая, вопрос по существу. Что ты за существо такое?» Эта дурында только фарами хлоп-хлоп.

Хорошо, что Макс под фразу с фарами поморгал – показал, так сказать, мимикой, что сказать хотел. А то не факт, что я бы сразу сравнение фар с глазами «догнал».

Повторно рыпаться, чтобы оспорить Максово: «За мной будет долг», – я не собирался. Может статься, мне его помощь пригодится. Как знать? Я намерен был рыть со всем тщанием в направлении «группы... или даже организации», как выразилась Палеолог. Мне бы хоть маленькую зацепочку, от чего клубок разматывать... В общем, помощь от оборотня по моему обращению – в хозяйстве явно пригодится.

– Лады, Большое Перо! – хлопнул в ладоши приятель. – Больше никаких серьезных тем. Сегодня все – за мой счет. Дамы!

Девочки в сауне работали не из боязливых. Так что вскоре они (парочка работниц и Шпала) уже играли в салочки в бассейне, этот паяц напевал про покусанные бочка и волчка, который обязательно придет, если заснуть с краю кровати.

Игра, наплескавшись, уединилась с массажисткой. А мне

не хотелось покидать жаркое помещение. Жар внутренний нежился и млел в горячем помещении. Я нежился вместе с ним.

Забавно, нелогично, но факт: о том, что Находько навещается в данное заведение, его супруга прекрасно знает. И ему за эти маленькие шалости с девчонками не прилетает. Ни сцен ревности, ни сковородок в голову. Зато за покатушки с кем-либо женского пола – еще как.

Мы это в том году за кружкой пива обсуждали, помнится. И в три головы (я, Джо и сам Находько) не поняли, почему так. «Женщины!» – дружно воскликнули мы тогда и взяли еще по кружечке.

Домой я приехал отдохнувшим и довольным. Отогревшись, как кот под полуденным солнышком.

Традиционно пересказал овиннику с парадником, о чем мы беседовали со специалистом по древностям. Точнее, о чем она сказ вела, а я ушами хлопал.

Выслушал торжествующие возгласы шерстистого.

– Я говорил! Я знал! У, старая кровь! Дальние дали, многие лета. Сила великая, кровь родовитая.

Спросил его, что мне эта кровь дает, кроме осознания (Кошаром, не мной) силы и родовитости?

– Жизни и рассудка тебе мало, владыка? – очень тихо и строго спросил Кошар. – Говорил я уже. Не растет семя на голом камне. На худой земле и колос слаб. Тебя, неподготовленного, выжгло бы, ежели б не кровь. Если б не насле-

дие. Может, намертво спалила бы тебя сила, да развеялась. А могла и разум выжечь, взяв тело – себе. Нахрапом ли, исподволь ли...

– Я так понимаю, риск последнего, про исподволь – он все еще сохраняется? – внял я серьезности момента.

– Раз все сам осознаешь, чего ты лишние вопросы задаешь? – переглянувшись с насупленным овинником, тряхнул седой шевелюрой Мал Тихомирыч. – Не буди лихо, пока оно тихо!

Оставив тех двоих шушукаться, я утопал в комнату. Завалился на диван. Сон не шел: я вообще плохо спал после того, как пробудил память пепла. Стоило мне закрыть глаза, как проявлялись видения пепелищ, заново вспыхивающих. Пламени, что возникало из горстки пепла и пронесилось огненным шквалом по знакомым мне улицам. Пронесилось, не считаясь с жертвами.

Однажды мне привиделась мать, объятая пламенем. В другой раз огонь пожирал Ташу Бартош.

Кто такая «она»? Ма – во Франции, хотя бы ее этот бред не касается. Разве что в видениях. Бартош? Лишенная силы и жаждущая эту силу вернуть?

Каюсь, тень моего сомнения на Арктику пала. Очень своевременно она тогда приехала ко мне. В ночь, когда она рассказывала о болезни сестры и своей утраченной, выжженной силе, а я – запускал зеленые всполохи небесных огней – в эту самую ночь убивали Дарью Ивановну Берегову.

Я расправился с сомнением, когда мой огонь «признал» в Бартош если не «свою», то точно не чуждую. Он ее не обжег. По правде сказать, выпускать живой огонь, обнимая девушку, было боязно. Не хотелось обнаружить головешку на месте девушки... Обошлось: Таше от живого огня достались волна бодрости и... едва ощутимый отклик утраченного дара.

Темень из подземелья не обманула, сообщая Арктике: «Держись ближе к огню. Утраченное обратимо».

Кто такая «она»? С теми знаниями, что есть у меня сейчас (то есть, без знаний вовсе) – это может быть кто угодно. Хоть Нина, начальница моя. Это менеджер, которая возражала против моего повышения в категории. Она со мной не пересекалась по сменам, за работой не видела (максимум – в записи с камер), но против высказалась. Чем не повод обвинить женщину?

Или это может быть соседка-скрипачка, Катенька. Тоже – просто потому что женского пола. Такое же безосновательное предположение, как и с Ниной. Такими темпами я мог начинать перечислять всех знакомых женского пола. Вместо овечек для ускорения засыпания.

Я подскочил с дивана, как будто меня током ударило. Липин собирался меня убивать. Был буквально в процессе подготовки, когда высказывал то немногое, что мною позже было передано компетентным органам. Жить мне оставалось – чуточку. После – финиш, все услышанное я бы унес в моги-

лу.

Собственно, в том состоит оправдание книжно-киношному ходу: тому, где злодей выбалтывает свои грандиозные планы по захвату мира и другим безобразиям. Герой должен унести все эти откровения в могилу, злодей же напоследок потешит свое самомнение. Мертвые не встают на пути исполнения злодейских планов. Джо бы поспорил, но я не про разумную нежить речь веду, а о самом банальном покойнике.

Липин много-много наболтал по пути ни о чем, а в момент, когда дошло до главного, не сказал мне ровным счетом ничего существенного. «Она не должна узнать, что ты втянут», – как и другие сочувственные фразы – немного эмоций и пожелание смириться с неизбежным. Всё.

Зато в другой ситуации, с выжившим свидетелем – случился разговор о мотивах. Да, не особенно полный, краткий, но он (разговор) не просто состоялся, он был услышан и донесен до тех же компетентных органов.

Как так? Та парочка не могла поговорить до или после «прогулки» по теплоходу? Они вроде не в игрушки играют. Взрывчатка, пожары, разгром на кладбище. Трупы всамделишные – правда-правда, я один из них сам видел. И эти «не игрушки» выбирают для разговора о мотивах подрыва теплохода тот самый теплоход? А после всего лишь оглушают, не «зачищают» свидетеля?

Допустим, кто-то из той парочки сильно жалостливый. Всякое случается. Вон, Игорь Липин был заботливым сы-

ном. И участие в его голосе звучало вполне натуральное. Но участие не помешало Липину затащить меня в гараж для смертоубийства. Оба говоривших – там, на теплоходе – попались из добряков, не желающих напрямую марать руки кровью? Понадеялись на то, что взрыв да вода за них «приберут»?

Что-то сильно сомневаюсь. Особенно в свете акцентов, заданных Палеолог. Чтобы она, да столько слов никчемному обывателю посвятила? Беспочвенно?

Дернулся к мобильному, чтобы немедленно позвонить Крылову, поделиться с оперативником своими мыслями. Посмотрел на время – половина первого ночи. Решил, что не настолько срочно мое подозрение. До утра потерпит.

Сон по-прежнему не шел. И потому я озадачился другим вопросом: интересом Феди Ивановны к записям отца. Дважды высказанным интересом. Меня и в первый-то раз вопрос о записях насторожил.

Чуть погода события закрутились, я переключился на другие мысли (например, как выжить). Потом мне качественно выносили мозг. И я не то, чтобы забыл о словах Палеолог про записи, скорее, отложил их в долгий ящик. У ящика даже имелась дата для извлечения – первое августа, день, когда мне должна позвонить ма.

Тогда и собирался уточнить у родительницы, почему она «вычистила» отцовский кабинет. Одно дело, если родительница на эмоциях это сделала. Она натура тонкая, не удив-

люсь, если так оно и было. Другое дело – если при вывозе бумаг отца мать руководствовалась соображениями... Любыми соображениями за пределами чистых эмоций.

Эти соображения я намеревался прояснить. Их – и контакты отца. Профессора, выделяемые из общей массы студенты. Знакомые по переписке: знаю, что па вел обширную переписку. Но понятия не имею, с кем и по каким вопросам. Не уверен, что ма знает больше, но спросить стоит.

Долгий ящик затрещал, когда меня приволокли в гараж – когда вопрос стал личным. Не просто: «Хм, кому и зачем нужны эти убийства?» С момента, как в жертвы определили меня, задача стала звучать так: «Как мне до них добраться?»

Так... В щепки тот ящик, в труху. Снова потянулся к телефону. Эти-то не спят по ночам. Ночь – их время.

– Джо, хорошей тебе ночи! – говорить пришлось громко, на фоне у вурдалака пели, играли и громыхали. – Можешь дать мне номер Лены? Или ей – мой?

– Ночи, АБ! Утром, все утром! – повысил голос и Женька тоже. – Нынче Хелен не в той кондиции.

Он сбросил вызов.

Утром так утром. Мне пока не настолько горит, чтобы я до утра дотерпеть не мог.

Женина жена Лена-Хелен Курьянова позвонила мне в восемь. На мои путанные полусонные объяснения, почему наш разговор лучше бы вести не по мобильной связи, не обиделась. Назвала адрес кафе для беседы.

– Рад встрече, – почти что искренне поприветствовал вурдалачку. – Давно ждешь?

В кафе она пришла до меня, заняла столик в углу и заказала себе... глинтвейн, кажется. Не уверен.

Зацепился взглядом за футляр с гитарой. Тот лежал на двух стульях сразу, обозначая, видимо, что столик занят. Час все еще был ранний, а зал пустой, не считая нас с Хелен да скучающего работника за стойкой.

Мертвые девушки, милые причуды.

Милая мертвая девушка взмахнула рукой. О значении жеста догадываться предполагалось самостоятельно. То ли это было такое приветствие, то ли «убирайся с глаз долой».

– Так понимаю, здесь самообслуживание? – обернулся к стойке и замершему за ней парню. – Подожди еще пару минут, закажу себе чаю. Не позавтракал.

– Болван для того и оставлен, – Лена щелкнула пальцами, и работник заспешил от стойки к нам.

Уже вблизи я подметил сияющую улыбку и бездумный взгляд парня.

– Черный чай и пару бутербродов, – я не притронулся к протянутому меню.

– С бужениной, с ветчиной и сыром, с... – принялся монотонно перечислять официант (или бармен?).

Стоял он при этом в полупоклоне и продолжал держать в руке меню. Смотрел прямо перед собой. Зрачки были расширены.

«Болван», – я поежился, вспомнив, как при первой встрече певунья звала меня «прогуляться».

Сделать из меня такого же болвана. Одноразового, надо думать.

– Всех по два, – вмешалась вурдалачка, затем указала в направлении двери. – Вы закрыты.

«Болван» послушно пошел закрывать дверь кафе.

Меня подмывало спросить, для чего она заморочила бедного парня. Причем в духе Шпалы спросить, вроде: «На буя буянила?» Смолчал. Мне нужна помощь вурдалачки. «Попросить» закрыть зал и принести поднос бутербродов – это не то же самое, что «попросить» присоединиться к завтраку в качестве блюда.

Так что я просто ускорился с поглощением пищи. И быстро перешел к тому, ради чего эта встреча затевалась.

– Лена, – вздохнул поглубже, как перед прыжком в воду. – Я хотел бы поговорить с тобой о моем отце. Если ты не возражаешь, конечно.

– И все же, с болью в горле, мы тех сегодня вспомним, Чьи имена, как раны, на сердце запеклись, Мечтами их и песнями мы каждый вдох наполним¹...

В пустом помещении ее голос звучал особенно звонко. Надрывно. Пронзительно. Искренне. Лена уже напевала при мне строку из этой бардовской песни, но тогда звучание было совсем иным.

¹ Как здорово (Изгиб гитары желтой), Олег Митяев.

– Спрашивай, – прочувственно сказала она. – Не знаю, будут ли тебе полезны мои ответы – я всего лишь одна из его студенток. Луной клянусь отвечать полно и искренне, и не возьму за то никакой платы.

После того, как прозвучала клятва – клятва, которой я не просил – я задумался. Джо был прав, когда обещал мне союзника в лице своей немертвой жены. Будет ли верным использовать представившуюся возможность только для распросов о работе и университетском круге общения отца?

– Если не возражаешь и можешь уделить мне лишних полчаса, начну издали, – сложил пальцы домиком, свел брови и принялся говорить. – Расскажу о некоторых недавних событиях, чтобы ты поняла, с чем связан мой интерес.

– Постой! – оборвала меня жестом Лена. – Дополню: Луною и непроглядной ночью клянусь сохранить весь разговор между нами двумя, если только последнее не нанесет вреда моей семье.

Благодарно ей кивнул. На столь широкий жест я не рассчитывал. Идя на встречу, и представлял наш разговор иначе. Несколько моих вопросов, несколько ее ответов.

Мне же были протянуты щедрой рукой помощь и расположение – бери и пользуйся. Отказаться от этого дара? Только потому, что в самом начале нашего знакомства все пошло вкривь и вкось? Или потому, что в моей новой союзнице не было жизни – в привычном мне понимании?

Увольте, не настолько я дурак.

Союзник – это слово звучит хорошо. Во все времена. Ко всем, живым и мертвым, оно одинаково применимо.

И я стал говорить.

Повел рассказ с того дня, как откликнулся на зов о помощи из гаража. Отбросил лишние подробности, сосредоточился на фактах. На неких словах, что совсем на слова не похожи. На том, кто пользуется этими словами-не-словами: то ли шайка, то ли организация. На эффекте этих не-слов.

И на явственном интересе к записям родителя со стороны (я обошелся без имен) одной могущественной представительницы мира Ночи.

Не забыл упомянуть, что записи из отчего дома убраны. Куда и зачем – мне не ведомо, а выяснить смогу не раньше августа.

Слова. Мир слова. Отец, заведующий кафедрой математической лингвистики.

Его младший (по должности) коллега, профессор Пивоварский. Его странная гибель.

И разговор, точнее, обрывок разговора. Тот в памяти всплыл недавно, уже после того, как не-слова были применены ко мне.

«Это может стать проблемой», – дребезжащий голос гостя.

Дядя Слава не был стариком, они с отцом были ровесники. А голос его дребезжал по-стариковски, отчего я сразу узнал говорившего.

Тихий, неприметный, книжный человек. «Пыльный» почему-то хотелось мне его называть.

«Это может стать прорывом, Мстислав!» – грудной, сильный и властный голос па.

С отцом редко кто спорил. Он был столь убедителен, когда говорил, что с ним обычно соглашались.

«Андрей? Вот ты где. Будь любезен, помоги мне найти табак для кальяна. Кажется, он был в одном из верхних ящиков», – мелодичный и нежный голос матери.

Мое полное незнание: с чем работал отец. Что должно было стать прорывом – или проблемой? С кем он над этим работал, кроме Мстислава Юрьевича. Того тоже уже не спросить...

Я сказал вурдалачке больше, чем служивым. Больше, чем знатоку из мира слова – Феде Ивановне. Больше, чем домашним нечистикам, хотя к тем мое доверие было велико. Просто нечисть домовая и овинная мало чем помогла бы в этом деле.

Все, что могли, Кошар и Мал Тихомирыч уже по данному вопросу высказали. «Допрежь не бывало». «Все эти прогрессии – к худу».

Нет никакой уверенности, что мертвая певунья скажет больше дельного. Но как узнать, не спросив?

– Для начала, – длинные темно-синие ногти простучали по столу: «Та-да-да-дам». – Разговор, который ты вспомнил. Он мог быть вообще не о том. Например, о студентах по об-

мену из... не знаю, Тибета. Уточнить мы не можем, не у кого, поэтому держим в уме, но не заикливаемся.

Безропотно согласился с ее выводом. Убрать одно слово из контекста – и изначальный смысл всей фразы может быть утерян или искажен.

Да-да, я не всегда хлопал ушами, когда мой родитель говорил умные вещи. Вот когда начинались дебри с пресуппозицией, импликацией и прочими чудными зверьми, тогда мои уши сворачивались в трубочку, и я плавно утекал куда подальше.

– Далее, – указующий перст показал в сторону стойки, за которой по-прежнему стоял «оболваненный» работник кафе. – Чтобы у тебя не возникло сомнений. Наше внушение действует не так, как ты описал. Оно вообще не на слова завязано. И – тот вон не вспомнит завтра, что нас видел. И что закрывал свой голимый общепит. Я прикажу, и он завтра ни тебя, ни меня не узнает. Но дар мое воздействие не угасит. Я могу внушить, что ты не хочешь к нему взывать – это срабатывает, но принцип иной.

– У меня не было подозрений в ваш адрес, – сказал, подразумевая и Лену с Джо, и вурдалаков вообще.

Хотя бы потому, что будь такие подозрения у служивых, те бы всю копали под семью Джо (или, если таких семей в городе несколько, то под все эти семьи). И Палеолог бы не промолчала.

Нет, специалист по древностям ясно и четко дала понять,

что столкнулась с подобным впервые. Она долго живет на свете, про то, как работает внушение вурдалаков, должна знать.

– Еще одно, – на этот раз стук ногтей вышел нервным, не музыкальным. – Я обязана буду пересказать услышанное семье. Жертвы в мире Ночи, семьи это может коснуться тоже. Ты же понимаешь?

– Понимаю, – нехотя кивнул.

Да-с, промашечка вышла. Оговорку про вред семьи мог бы и соотнести с тем, что рассказываю. «Слово перебросил, обратно не втянешь», – тут, пожалуй, ввернул бы мой папенька.

– Позже я передам услышанное мужу, – с извиняющимися нотками сказала Лена. – Только о смертях этого лета. О речевом воздействии. И только ему.

– Отличное решение, – согласился. – Вот еще что передай... Лена, пусть при пересказе мужу и дальше – не звучит мое имя.

И пересказал ей недавние события с кладбища в Пушкине.

Я не очень хорошо пока ориентируюсь в мире Ночи, но, как мне видится, Хозяином на кладбище не живой человек «трудится». Семья Митиных – немертвые. Кровососы.

Союз – это не одностороннее понятие. Я не заинтересован в том, чтобы моя кровососущая союзница пострадала. Защитить ее не в моих силах, так хоть предупредить могу о

том, что на нежить эти слова-не-слова тоже влияют.

Клятвы о неразглашении касательно кладбищенских непотребств я не давал. С меня ее и не спрашивали. Однако и уточнять, что это от меня ушли вести к вурдалачьему семейству, не хотелось бы.

– До нас дошли слухи, – союзница наградила меня взглядом исподлобья. – О шуме в ночи, в приюте мертвых. Уверена, муж будет рад услышать больше о случившемся.

Поймал себя на мысли (причем эта мысль не впервые ко мне приходила), что оговорок о положении Жени в их «семье» прозвучало немало. Что положение это не рядовое. Он явно обладает если не властью, то правом голоса.

Среди того немногого, что я успел выяснить о вурдалаках, было немного об их иерархии. Есть глава семьи, его мнение неоспоримо. Есть его – главы – приближенные, те, к чьим словам глава может прислушаться. Круг прав и обязанностей приближенных предметно при мне не обговаривали, точнее не скажу.

И есть – все прочие. Они существуют, они подчиняются. Их голос мало что значит.

Как-то так. Уверен, там все тоньше устроено, но чужим в эти тонкости хода нет.

Из всего того, что слышал, напрашивается вывод: Джо, скорее всего, один из приближенных к главе. Внимание, вопрос: что делает вурдалак его положения в дилерском составе не самого крупного казино Питера? Маскируется? Силь-

но сомневаюсь.

Однако – этот вопрос следует задавать напрямик Жене, а не его жене.

– С уточнениями уточнили, пора действие действовать, – вурдалачка усмехнулась, подхватила футляр с инструментом. – Ты с завтраком закончил? В таком случае – поехали.

Часто усмешка барышням не к лицу, даже тем, кто считает иначе. Она кривит лицо, напрочь убивает «милоту». Ехидные «ведьмы» (не те, что ведают, а такие... по состоянию души) далеко не каждому мужчине по душе. Лену усмешка не портила. Добавляла экспрессии, «живости» белокожей певунье.

– Куда поехали? – поинтересовался. – И с какой целью?

– Ты меня пугаешь, – изобразила испуг немертвая девушка.

– Мне казалось, это я тебя должен опасаться, – широко улыбнулся. – Как и любой нормальный теплокровный парень.

– АБ – это от абсолютного балбеса сокращение? – Хелен покрутила пальцем у виска. – В университет поехали. На факультете мы сейчас мало кого найдем, вступительные в главном корпусе... Но кто-то наверняка будет. Нам и лучше, чтобы немного людей слонялось. Цель – ответы на твои вопросы.

– Слушай, как вообще можно ничего не знать о родном отце?

Лена вела резковато. Я бы занервничал от того, как она швыряла машину из ряда в ряд, без знания: за рулем нежить. Разумная нежить, с реакцией куда лучше, чем может похвалиться любая живая женщина за рулем.

– Кто сказал, что ничего? – пожал плечами, стараясь говорить, как о чужом человеке. – Знаю о предпочтениях в литературе, музыке, одежде, еде и даже опере. Привычки, причуды. Знаю его – домашнего. Знал... Работу же мать настойчиво просила оставлять на работе. То, что не оставить – держать в пределах его личного кабинета.

– И получалось? – она повернулась ко мне, перестав следить за дорогой; впрочем, на вождении это никак не отразилось. – Оставлять вне дома работу? Мой муж, не способный увлекаться, временами как вывалит на меня этого вашего игорного сленга, хоть повторно упокаивай.

Остроты у нее – само очарование.

– Раз я обращаюсь к тебе, получалось, – мрачно откликнулся.

Направляемая вурдалачкой тойота королла обогнала волгу с тонированными стеклами. В ответ на возмущенный «би-и-ип» Хелен выставила в окно средний палец. Не думаю, что водитель волги это увидел. И, подозреваю, самой Лене было плевать.

– Прекраснодушный доверчивый юноша со взором горящим и пламенным сердцем в груди, – почти пропела Хелен. – Так запросто выкладываешь самое сокровенное. В машину

садишься к малознакомым девушкам. Знаешь, что говорят о таких, как наша семья? Что мы мстительны, мнительны и жутко злопамятны. И, когда нам это нужно, неплохие лицедеи.

Она потянулась ко мне, щелкнула зубами.

– Увезу тебя я в тундру на оленях утром ранним², – напела с изрядным ехидством вурдалачка. – Затем убью, расчленю и съем.

– А разве для «съем» мне не положено быть живым? – решил подыграть ей. – Горячая, живая кровь. Нет?

– Думаешь, я с тобой шутки шучу? – мертвящим голосом спросила Лена. – Шутки кончились, мальчик, как только ты стал частью мира Ночи. Теперь: или ты жрешь, или сожрут тебя.

– Сейчас впечатлюсь, взорву бензобак, – ровно ответил. – Мне потом неловко будет объясняться с твоим мужем, но я справлюсь.

– М-м, – выражение лица нежити сменилось на мечтательное. – Это было бы красиво. Рада, что ты хоть немного просчитываешь варианты событий. На будущее: доверие – роскошь, не одаривай им первого встречного.

– Понял, – кивнул в ответ на испытующий взгляд.

– Клятву зачастую можно обойти, – не унималась вурдалачка, чем напомнила мне домашних «нечистиков», тех то-

² «Увезу тебя я в тундру», музыка Марк Фрадкин, слова Михаил Пляцковский, исполняет ВИА "Самоцветы".

же хлебом не корми – дай нотацию прочесть. – Особенно легкий обход, если оставить в клятве лазейку. А уж обратить против тебя твои же добровольные откровения – для такого не нужно быть мастером слова. Среди жителей Ночи прощачков и дурачков мало. Не задерживаются они, не выживают.

– Понял-понял, – я начал думать, что авария – не худший способ уйти от нравоучений.

– Отличненько! – машина жестко затормозила. – Приехали.

Мне всегда казалось, что на набережной парковаться нельзя, но у Хелен на сей счет, похоже, было свое мнение.

А дальше начались наши хождения по мукам.

Мы искали какую-то Яковлевну в яме. Яма – это столовая. Скажу так: теперь мне ясно, почему мать каждое утро вставала в несусветную рань и готовила родителю еду с расчетом на весь день.

Мы спускались в катакомбы за Катериной. По заверению «бывшей местной» Лены Курьяновой, мы находились ниже уровня земли. Я ей в этом вопросе верю, она доказала, что разбирается в университетских микротопонимах.

Лабиринт, Олимп, обшарпанная лестница, упирающаяся в потолок... Прогулялись мы изрядно, ноги к завершению походов устали.

Все, что я вынес полезного из данного визита – это несколько умных слов, вроде «парцелляции». Еще получил

несколько листов со списками фамилий. Позднее к ряду фамилий добавились адреса и телефоны.

Забегу вперед. Списки оказались пустышками, тратой времени. Я побеседовал с эрудированными людьми, выслушал от каждого слова сочувствия. Послушал (мало что понимая) о работах, научным руководителем для которых выступал отец.

О персональных исследованиях профессора Бельского толком ничего не узнал. Сотрудничал отец, по общим заверениям, с Мстиславом Юрьевичем Пивоварским и с доцентом кафедры. Последняя не могла со мной пообщаться по уважительной причине: ее сбила машина. Насмерть. Ровно год назад.

Еще были письма. Переписку отец вел обширную. Корреспонденции приходила на домашний адрес, но я надеялся, что на рабочем месте что-то обнаружится. Увы. Если что и было, после гибели профессора Пивоварского все увезли сотрудники органов. Я догадался, каких именно.

Лена предложила посетить и библиотеку. Уверен, рациональное зерно в ее предложении присутствовало. Представил, как пытаюсь пролистать все те тома, что хотя бы раз изучал отец согласно библиотечной карточке. Понял, что это будет башня из книг. И меня попросту завалит обилием информации.

Попросил Лену заняться библиотекой – она в литературе понимает куда больше.

Да-да, это после ее выступления в авто с «убью, расчленю и съем». Почему? Потому что все, с кем мы встретились в обшарпанном вместилище великих мыслей, сначала имели краткую беседу с вурдалачкой. Она подходила, шептала на ухо несколько слов и удалялась.

– То, чего я не слышу, того не смогу и пересказать, – как дошколенку, объяснила мне немертвая девушка. – В том числе и под давлением.

Конечно, оставался слух – тот, что куда совершеннее моего по заверению Жени Митина. Возможно, все ее поведение – клубы дыма. Напускное, путающее. Возможно, она и впрямь превосходный лицедей. А я – наивный глупец.

Кредит доверия ей, как союзнику, выдан и не исчерпан. До той поры – я играю с ней в открытую. С осознанием: если ошибусь – пойду на корм. Сначала кровопийцам, затем червячкам.

Готовность рисковать – то, что отличает человека азартного от... от нормального. Покажите же мне дилера, которому чужд азарт!

Но есть нюанс, отличающий дилера от игрока: контроль. Игрок – тот обладает иллюзией контроля. В его руках фишки, в бумажнике наличные. Если речь о покере – то в руках у него несколько карт.

«Делайте ваши ставки», – говорит с улыбкой крупье. Тот, кто держит в руках всю колоду. Тот, кто вращает шарик. И тот, кто точно знает: казино не существовали бы, не будь иг-

ровой бизнес прибыльным.

Опытный (да просто думающий) дилер знает, что карты и шарик в его руках – тоже иллюзия контроля. Часть выведенной системы.

Все это работает с одной оговоркой: пьяненькие крупье с полочки, точно зная о запрете на игру в других казино, то и дело заваливаются в запретные для них заведения. В те, где нет картотеки, помельче, попроще. И там уходят в отрыв.

К чему это я? Отправив Хелен изучать библиотечный каталог, я дал ей в руки часть колоды и стопку фишек. Как она ими распорядится, покажет время. Дилер в моем лице будет ждать ее ставку.

Но всю колоду в неживые руки, как и все фишки из флота, передавать не станет.

– Подбросишь до метро? – на вопрос о дальнейших планах ответил встречным вопросом.

– Так давай подвезу нормально, – предложила вурдалачка. – Куда тебе?

– Сам пока не решил, – пожал плечами. – Устал, запылится. Хочу прогуляться, проветриться до работы.

– Пф-ф, – фыркнула Лена. – Было бы предложено. Запрыгивай. До метро так до метро.

С мигренью я смирился заранее. Больше того, выданный Ирой блистер предусмотрительно занял место в кармане брюк еще до выхода из дома. На выходе из дома я думал о другом доме...

О том, какой дикой, несусветной глупостью было до сих пор не посетить родительскую квартиру. Да, кабинет пуст. С ним все понятно.

Почтовый ящик: вдруг кто-то писал уже после отъезда матери в Париж? Вдруг кто-то медлителен, и не получил вежливого послания от Бельской Богданы о завершении жизненного пути адресата – ее мужа? Она эти письма под копирку писала первые пару месяцев после ухода из жизни отца его партнерам – уже бывшим – по переписке.

Последний раз я был в этой квартире в апреле, забирал кое-что из вещей. Выбросил кучу макулатуры. Вот и сегодня почтовый ящик распирало.

Я отпер замочек, начал вываливать прямо на пол счета, рекламу, какие-то бесплатные газеты... Намусорил, утешая себя тем, что все равно все уберу. И даже замету площадку, как закончу.

Писем не было. Ни одного.

– Ой-ей, что делается! – заголосили снизу. – Средь бела дня безобразят! Прочь, пойдите прочь, наглецы! Ой, Андрюша, ты ли это?

Подслеповато шурясь, на меня уставилась сквозь толстые стекла очков соседка со второго этажа.

– Я, Марья Ивановна, – поднял руки вверх, и листы разлетелись, совсем замусорив площадку. – Не ругайтесь, пожалуйста, все будет убрано.

– А я вас с матерью давно не видела, думала, вы оконча-

тельно съехали, – зачастила пенсионерка. – Так и сказала милиционерам. И мужчине – такой приличный, приятный на вид, приходил, расспрашивал. У тебя неприятности?

И сурово на меня глянула.

Милиционеры – это, почти наверняка, Рыков с Крыловым. Везде я прихожу уже после них, получается.

Приличный мужчина – Липин? Под описание подходит.

– Все в порядке, Марья Ивановна, – заверил я бдительную соседку. – Может, затянул с оплатой счетов? Я как раз за ними.

Нагнулся, подобрал квиток. Глянул: за май, без задолженности за предыдущий период. Перед отъездом матушка завила меня, что все финансовые вопросы уладила. Чтобы сын – я, то бишь – мог сосредоточиться на учебе, не переживая о мелочах.

– Да-да, доподлинно так. Ироды, присосались, как клещи поганые, к народу, – трость старушки ударила по чугунным прутьям лестничного ограждения. – И тянут, и тянут копейки. Ишь, уже и милицию привлекают! – и совсем другим тоном продолжила. – Ты придержи за собой, Андрюш, не бросай. И не тревожься: мы тут все за тебя выскажемся, если кто спросит.

– Приберу, – пообещал я в спину удаляющейся бабулечки.

Оно нашлось перед входной дверью. Кто-то подпихнул конверт между полотном и наличником. На конверте обнаружили: обилие почтовых марок и отсутствие адресанта.

Из обозначений имелись только страна и город отправителя: Франция, Париж.

– Ма?.. – ухнуло сердце к пяткам.

Вскрыл письмо заледеневшими пальцами. Открытка с каким-то памятником архитектуры. На обороте – одна строка.

«Je savais que tu n'allais pas renoncer³», – почерк размашистый, совсем не такой, как у матери.

Без подписи.

– Какого беса?! – кулак впечатался в белую подъездную штукатурку.

Искал? Искал. Нашел? Нашел. Помогло? Стало понятнее? Хрена с два!

Только новых вопросов добавилось.

Позже я замел устроенный беспорядок на лестнице. Прошелся по квартире, убедился, что нигде не течет и не дует. Все нормально. Порыскал по полкам в кабинете и по рабочему столу отца: вдруг что отыщется? Безрезультатно.

Попробовал позвать парадника, даже огонек на ладони зажег. Показал, что свой, мне можно показываться. Наверное, парадник был занят, на зов он не откликнулся.

Я не стал засиживаться: подступало время выхода на смену.

– Не Шерлок. Не Холмс, – повторил не так давно мелькавшую мысль перед выходом. – Впрочем, будь все на поверхности, служивые давно бы уже разобрались.

³ (Фр.) Я знал, что ты не отступишься.

Не справился за день – справлюсь за неделю. Или за месяц, или за год. Я не сдамся. Тресну, разорвусь, но докопаюсь. До корней, до причин, до личин...

Открытку убрал в карман, как и разорванный конверт. Пусть будут у меня. Не оставлять же всяким ходокам, повадившимся что-то о моей семье разнюхивать.

– О, а еще такой был случай, – в честь выхода из отпуска очередь травить байки из жизни опытных крупье выпала Марго. – Две стажерки в уборной зависли у раковин, обсуждая пит-босса. Одна соловьем разливается, вторая поддакивает. Наталья кривая, Наталья косая, тупая, рябая и жопа у нее толстая. Лохудра в счете, зато умеет задирать юбку перед теми, кем нужно. И по номерам ее протащили все, кто только мог и хотел, и так, и эдак, и на столе под закрытие... В общем, насолила чем-то Ната девкам, те ее так смачно расписывали.

– А по утрам, а по утрам девчонок прут по номерам, – потряс в такт нехитрого напева шевелюрой Вадик Коломийцев. – Что как, Ритка, а Ната VIP-ам экскурсии по этажу проводила, факт.

Водяра и Маргарита в разное время ушли из одного клуба. И по разным причинам: одного выперли за пьянки, вторая не легла под какую-то шишку. Она пятый год в игровом бизнесе, успела застать период грязи и беспредела...

– Еще раз перебеешь – пну больно, – беззлобно высказала Верба (это от фамилии – Вербицкая). – Так вот, о девках.

Женская уборная – десять кабинок. Я свои дела закончила, руки вымыла – болтушки притихли. Ухожу, слышу в дальней кабинке смыв. Оборачиваюсь. Десятая кабинка открывается, из нее выплывает Ната, огибает стажерок. Моет руки, стряхивает воду на этих двух клуш. Они стоят, ртами по-рыбы хлопают. Володенька, привет!

Это пришедшему Окуневу: с Рыбой Маргарита тоже успела вместе поработать до того, как пришла к нам.

– Остановилась я на чем? А, вода. Брызги летят в клуш, Ната изрекает: «Кули ты звездишь, гаденыш?» – и плывет на выход белой лебедью.

Паша с Гошей загоготали, оглаживая свои новенькие, на днях пошитые форменные жилетки. Оля, тоже в жилеточке (им и бейджи обещали новые, где выгравировано гордое «крупье», а не «стажер» возле имени) бросала испуганные взгляды на Бартош.

Марго, она же Вербa, мне симпатична. Вербa, кстати, не только от фамилии, еще и за тонкий стан ее так прозвали. Стройная, талию моими ручищами обхватить можно запросто. Рыженькая, глаза темно-зеленые. Непослушные жесткие кудри выбиваются из тугой косы.

Она остра на язык, но не брызжет ядом, как Майя Бореева. Легкая, звонкая, яркая – хорошая девочка. Вообще, Марго на пять лет меня старше, но по виду этого не скажешь. И у меня рука не поднимется, чтобы «просветить» Маргаритку истинным огнем. Не хочу испортить восприятие.

– Мораль в чем, детеныши? – обратилась к молодняку Вербицкая. – Следить за языком надо. Или все всё услышат. Стажерки после этого недолго проработали, слились по собственному желанию. А Наталья по сей день в бизнесе. Эй, ты чего на Арктику косишься?

– Ната... – захлопала ресницами Овца. – Наталья.

– На-та-ли-я, – не отрываясь от чтения, по слогам проговорила Бартош. – Для особо одаренных: это два разных имени.

– Там одна буква разницы, – пробормотала себе под нос Оля.

Услышали – точно под выданную Вербой мораль – все и всё.

– Ольга и Ольха – тоже одна буква разницы, – пожалала плечами Арктика.

– У нас уже есть дева-ива, – Обуреева, конечно, не могла не встрять. – Отличный загар, Вербочка. Куда ездила?

– В Оле О на Б заменить и нормуль, – встрял Водяра.

Овца заалела ушами и спешно скрылась в женской раздевалке.

– На даче провела весь месяц, – ответила Бореевой Марго. – Помогала своим.

Дальше Майя зевала, мол, такая скукота, неужели на что получше не заработала. Верба отмахивалась, говоря, что в такое славное и солнечное лето нет смысла мотаться на юг, а купаться можно в Озерках.

Я ждал Джо и слушал краем уха пустую болтовню девчонки. Надеялся успеть его выловить до начала смены и перекинуться парой слов. Не сложилось: Женя прибыл минут за пять до выхода в зал. К тому моменту я уже задремывал под рассказы и сентенции «юным дарованиям игорного дела» – стажерам – от дарований уже не столь юных, зато куда более сведущих.

«А руки, руки вам тянули для рукопожатия все клиенты подряд?» – вопрошала Марго.

Она пропустила «вылет птенцов из гнезда» и теперь стремилась наверстать упущенное. Соприкасаться руками нам с игроками строжайше запрещено. Трюк с рукопожатием в ответ на приветствие «свеженького» крупье – старая добрая шутка. Традиция, можно сказать.

«А за столами стоя уже засыпали? Как лошади в стойле?» – с заботой в голосе продолжала расспросы Верба.

С непривычки перестроиться на ночной режим бодрствования тяжело. Сон стоя, когда тебя оставили «охранять» пустой стол – самый частый «косяк» начинающих дилеров.

Сам через это прошел, когда еще пытался совмещать ночную работу с дневными лекциями. Поймал однажды дружеский пинок под колено от пит-босса.

«А день, точнее, ночь сурка встречали? Это когда вы встаете на какой-нибудь стол в начале смены, здороваетесь. Под утро снова идете на тот же стол, там те же лица, желаете им удачи, идете домой. Выходите на вторую смену: тот

же стол, те же самые лица. Утро второй смены – они все еще там. Третья смена...» – на этом Маргаритку прервала Ира, подошедшая с назначением по столам.

Напомнила, что стажеров никто не пустит работать с графиком три через один.

– Тогда самое клевое у вас еще впереди! – хлопнула в ладоши Маргоша, просияла улыбкой.

Хлопнула громко и прямо возле уха, сбила полудрему.

– Какая же ты замечательная, Вербочка, – выговорил, позевывая.

– Я такая, да, – изобразила воздушный поцелуй моя рыжая коллега. – Берите пример со старшего, детеныши. Хвалите, цените, будьте заиньками. А козленочков, даже самых-самых умных, никто не любит.

Зацокали по лестнице в ВИП каблук Овцы. Металлические набойки по металлической лестнице.

Все, что следует знать о субботней ночи в казино, я уже рассказывал. Дымина, хоть реально топор вешай, галдящие игроки. С учетом смыслового и стилистического наполнения безудержного гвалта, в слове «галдящие» так и тянет убрать букву «л». Без нее оно даже вернее будет.

В субботнюю ночь нет места отдыху, но есть место азарту. Азарта в воздухе столько же, сколько и сигаретного дыма. Он дрожит, электризуется, бьется разрядами тока.

Я несколько не преувеличиваю. Немного романтизирую, грешен, но основываюсь на фактах. Покрытие в зале – мяг-

кое, скрадывающее звуки шагов – синтетическое. Ковролин, немного похожий на мох в лесной чаще, как цветом, так и ощущением при шаге.

И этот ковролин отлично набирает статическое электричество. Когда крупье подходит, чтобы заменить коллегу, он (или она) легонько дотрагивается до плеча того, кто в данный момент ведет игру. Случается, между дилерами в этот момент пробегает искра.

Помню, однажды коснулся плечика Алии, так по щелчку между нами ее волосы (она их коротко стрижет) на секунду встопорщились одуванчиком.

Дым, что те тучи, статика вместо молний.

Темнее дыма – лица проигравшихся, ярче вспышек небесного огня – мимолетный восторг от сорванного куша.

А бывает и так: вот она, сверкает, удача поймана за хвост! Вспыхивают глаза, озаряются восторгом лица – и, миг спустя, мрачнеют, сереют. Падают духом, бьют по сукну кулаками.

Как сегодня.

Покер, играют все шесть боксов, Марго на раздаче. Я – инспектором на два стола, причем больше приглядываю за работой Тамары (это которая Шах-и-Мат, экзотика, беловолосая индианка). У Маргаритки открытой картой туз пик.

Игроки переговариваются – это не запрещено.

– Там минималка, – с уверенностью говорит второй с краю. – Говорю тебе, закрывайся. У меня пара тузов, значит

там – туз-король.

Рассуждает он о комбинации туза с королем, она составляет «минимальную игру», младше комбинации в покере нет. Не считая, разумеется, набора «нет игры», когда в пяти картах вообще никаких сочетаний не набралось.

Мужичок справа от говорящего «тянул» флэш – пять карт одной масти, менял в надежде на удачу одну карту. Тянул-тянул, да не вытянул. Набрал пару пятерок и чешет репу: сбросить или рискнуть?

– Там минималка, – с горящими лихорадочным блеском глазами подтверждает игрок с четвертого бокса; подается вперед, щурится, чтобы рассмотреть гравировку на бейдже. – Как там тебя? Маргарита? Дай игру!

– Минимальную игру! – решается обладатель пары пятерок.

Стол ждал его решения, остальные пять боксов уже закрылись.

Марго улыбается, приподнимает пиковым тузом свои карты.

– Ми-ни-мал-ка, ми-ни-мал-ка! – дружно скандируют игроки.

Переворачивается первым король пик.

– Да-а-а! – вскакивает со стула центральный, тот, что просил дать игру. – Расцелую!

– Минима... – обрывается на полуслове облегченное от крайнего правого.

Вербицкая вскрывает все пять карт.

– Флэш, – как бы извиняется она перед парой пятерок.

Ради такой раздачи я оставил без внимания стол Шах.

Глянул на карты перед флотом Марго. Кашлянул.

Марго дилер опытный, это вам не Овечка с ее «хлоп-хлоп» ресницами. Услышала мой кашель, начала искать под-вох.

– Стрит флэш, – тихо добавила, выкладывая карты по порядку, по возрастанию.

Споры, как говорить правильно: «стрит» или «стрэйт» не утихали у нас с открытия. «Говорите так, как привычно людям», – разрешила спор менеджер Нина. Так что пять карт подряд по порядку мы называем «стрит», как «улица». Хотя вообще-то он «straight».

С пяти боксов полетели карты. В открытую, в закрытую – проигравшие. И только четвертый сидел с прямой спиной и предвкушением на лице.

Я тронул ногу Вербицкой под столом, по обуви. Почти пять лет стажа, вторая инспекторская категория, не позорить же ее перед всеми суровым: «Не чек».

Маргарита вперила в меня непонимающий взгляд. Я поиграл бровями.

– Ой, – обнаружила она незамеченную подробность. – Роял флэш.

Старшая версия пяти карт одной масти и по порядку, от десятки до туза – вот, что с третьей попытки отыскала у себя

Верба.

– Рояль! – заорал игрок с левого края стола. – Тут рояль!

К столу заспешили Антон и Ненад. Событие нерядовое, выплата существенная. Это, если «рояль» – просторечное обзывание роял флэша – и сыграл у игрока. Дилер же просто соберет со стола все проигравшие ставки.

Мужчина с четвертого стула по-прежнему не сбросил карты. Сидел он прямо. Костяшки пальцев, вцепившихся в край стола, побелели.

Марго перевернула его карты. Выложила по порядку.

– При своих, – проговорила глухо.

Пять карт центрального бокса были: десять, валет, дама, король, туз. Все червы.

– Тут ДВА рояля! – совсем разошелся в эмоциях и воплях крикун. – Два! Рояля! Разом!

Я подумал, что быть ему – крикуну – битым, так посерел и ощерился обладатель роял флэша на червах.

– На чай, – когда дилер собрала все карты, игрок с «при своих» поднял фишки, швырнул их через стол.

До самого конца нашей смены стол играл в пять боксов из шести. Место «рояля» никто не занимал.

С утра моросило. Не полноценный дождь, так, мелкая взвесь в воздухе. Многих такая погода бесит, но не меня. Мне свежо и хорошо, а всякие Шпалы, то и дело встряхивающиеся с недовольной миной, могут идти лесом.

Или полем – Марсовым. Мы решили пройтись с утречка

через него, рассудив, что в новолуние да в компании меня должны нормально пропустить.

Тот же Литейный мост штатно преодолевался с того раза, когда чугунные русалки пытались утянуть меня за ограждение. Без озорства водных духов.

Проходя мимо Михайловского замка, остановились, помолчали.

– Доброго дня, Ваше Императорское Величество, – сказал я вполголоса.

И, беспечно вышагивая, потопал дальше.

Туман обступил, облепил нас, стоило сделать дюжину шагов от набережной реки Мойки. Только что была приличная видимость, под ногами шуршала щебенка, а через миг – у ног молочные клубы по пояс, повыше – рыхлые клочья. Влажные, мутные.

– Дымная кровь пусть останется тут, – донесся из тумана заунывный девичий напев.

– Тогда перевертыш с опойцей пройдут, – вторил невидимой девице сиплый мужской голос.

– Нет, – ответил-отрезал Шпала.

– Не пойдет, – поддержал его Джо, добавил куда тише, для нас. – Зря я предложил срезать. После рассвета у них не должно быть силы...

– Вода с неба, – запоздало догадался я. – Погода играет на них.

Муть колыхнулась, сложилась в когтистые лапы.

– Имя его назовите! – заныла девица.

– А после – идите, идите... – просипел мужик.

– Нет! – в один голос рявкнули мои приятели.

– Называйте меня Шифоньер, – предложил я тварям из тумана.

Удачная у нас все-таки традиция с прозвищами. К парням тоже по ним буду обращаться, пока мы не выберемся с поля Потешного.

Вспомнил уже наказания нечистиков не соваться на Пустой луг. Правда, парадник с овинником тоже напирала на опасность его в полнолуние, до которого еще долго. Возможно, они, как и Джо, заблуждались. И тинные девки с утопцами резвятся не только под луной.

– Пусть зверь растерзает, немертвый возьмет себе кровь, – взвыла дева из тумана.

– Оставьте тело лишь вы между трех берегов, – добавил мужской сип.

Волчий рык слился с отстраненным, даже потусторонним: «Третий раз – нет», – вурдалака.

Я не видел Шпалу. Что там, мне дальше кончика носа почти ничего видно не было. Но уверен, он всю готовился к фазе, логично следующей за провальными переговорами – к бою. Скорее всего, Джо занимался тем же.

А мне именно в ту минуту приспичило задуматься: о каких трех берегах речь? Берег Невы, берег Фонтанки и берег Мойки? А Лебяжья канавка за берег считается? Или же речь

о чем-нибудь другом, мифологическом?

– В детстве я сильно простыл, – заговорил, стряхивая несвоевременные мысли, как Находько стряхивал капельки влаги с волос. – Охрип, осип – вот как вы примерно. Вы, кто про три берега и тело озвучил. Так мне тогда прописали курс прогревания. Может, и мне для вас такой курс прописать?!

К концу обращения я повысил голос. Вспылил, разозлился.

– Стой, – одернул меня Макс. – Не обостряй. Огня на все поле у тебя хватит?

Я скрипнул зубами.

– Найду.

Сам сдохну, но устрою тут крематорий для старых косточек. Как там говорил парадник? От коровьих до людских тут их валом навалено? Так давно пора выжечь дочиста.

– У огня есть неприятное свойство: он не отделяет чужих от своих, – остудил мой порыв Женька. – Не горячись. Попугали, трижды проверили. Теперь обязаны отпустить, если нет за ними права мести.

– Не долж... – не договорил.

– Право! Право! Право! Право! – зашумело, заплескалось молочное море.

Расступилось прямо передо мной. Из белесой пелены выдвинулся тощий пацан в серых тренировочных штанах и черной толстовке с капюшоном.

– Меня подарил, – из раскрытого рта тонкой струйкой по-

лилась вода. – А я подарю тебя.

Тут-то я и порадовался, что обмотку на руку накрутил перед выходом. Не поленился.

Пообещал себе: если доживу до отпуска, то никакие курорты, пляжи и загорелые красотки в бикини не встанут между мной и деревенькой со чудным названием Журавлев конец. И уже там непременно дойду до дядиной могилы, принесу ему чарку водки и теплое благодарственное слово.

– Я помню предысторию, – озвучил Находько. – Сопляка-топляка можно обернуть против тебя, да. Он не слишком силен, меньше луны под водой. Мы вмешаться не можем, но и он будет без пособников. Это один на один, как в Бойцовском клубе. Только насмерть.

– Осторожно с огнем, – предупредил Митин. – Против этого ты вправе действовать всеми силами. Заденешь хоть кого-то кроме него – и один на один превратится в трое против всех. Искры хватит.

Не стал переспрашивать, почему именно трое против всех. Трое, не один я. Они не бросят меня перед лицом опасности или причина в тройной проверке, в трех отказах?

Вот выживу, унесу ноги с Пустого луга, можно будет уточнить. А здесь и сейчас не до того.

Шпала прав: как в клубе, только насмерть. В схватке участвует только двое. Новичок обязан принять бой.

Я размял шею, поманил дохляка приглашающим жестом. Туман растянулся по краям, образовав почти открытое

пространство два на три. Два метра в ширину, три в длину. Почти, потому как по низу, по колено пацану и до середины моих икр, продолжало клубиться белое марево.

Мои товарищи отошли в стороны, встали молчаливыми наблюдателями.

В голове – спасибо недавнему просмотру – зазвучала музыкальная тема к финальной сцене «БК». Причем почему-то с параллельной «озвучкой» в переводе. На развлечения, игры разума времени нет. Пусть звучит, ритм мне не мешает.

Утопленник сделал пару шагов. Вразвалочку, усыпляюще медлительно. А затем ринулся нечеловечески скорым броском. Я видел, как взмывает вверх тело упыря: возможно, именно эта картинка в памяти и спасла мою шкуру.

Ноги – плотный упор, вес на правую ногу; подключить корпус, задавая инерцию движению. Взрывной удар левой в голову высоко подпрыгнувшего пацаненка.

Голова откидывается. Обычному человеческому детенышу этого удара хватило бы. Этому – сбило замах.

«Туру-туру-туру-туру-тум-туру-рум»...

Неровные ногти скользят по моей щеке, сдирая кожу. Но и только-то – корпус развернут, чтобы пропустить «прыгуна» мимо.

И чтоб перехватить его ногу. Удачно, в рывке.

«Твои ноги в воздухе⁴»...

⁴ Здесь и далее: строки перевода саундтрека к к/ф «Бойцовский клуб», «Where is my Mind?» исполняет группа Pixies.

Что-то хлопает, хлопает под замызганной серой тканью. Звук разрываемых связок звучит иначе, как и звук перелома. Значит, что-то в мертвом пацане устроено не так...

Он изворачивается, дергает свободной ногой. Отпускаю: противник не изучен, упорствовать в захвате не стоит.

Маленькое тело падает в туман, скрывается под ним целиком.

Плохо. Атаку снизу я не предусмотрел. Отступаю.

«Туру-туру-туру-туру», – шаг-шаг-шаг-шаг.

«Тум-туру-рум», – разворот на сто восемьдесят.

Молочные клубы под ногами вихрятся, словно их вспарывают изнутри. Будто сквозь них плывет крупная, быстрая рыбина.

«Посмотри, что-то плавает»...

Рыбак из меня так себе, но и «рыб» мог бы поступить умнее. Подкрасться незаметно, атаковать из тумана.

Резко смещаюсь в сторону, когда из клубов выныривает краешек черного капюшона.

«Зайди в воду», – ну уж нет, спасибо. Вода сама идет ко мне.

Идет и даже летит. Прыжок нечеловеческий: утопец буквально выстреливает телом ввысь.

Снова: ноги – корпус – стремительный выпад. Изловить за шкуру, за плотную ткань, впечатать колено в грудную клетку. Рвануть на себя!

Твареныш выкручивает плечевые суставы, лупит бездум-

но, неразборчиво. Попадает, вспарывает рукав рубашки – и руку под ним.

Боль проясняет голову, выбивает, как током, всю муть. Все становится ясным, прозрачным.

«Где же мой разум?»...

Зов к живому огню: именно так, не отпуская буйное тело, терпя удары. Боль уходит, но кровь продолжает сочиться.

Визг! В глаза мне летит смесь из воды и красноватого щебня.

Бью коленом, не целясь – тварь трепыхается, пытается выскользнуть. И выскальзывает, рыбкой летит вниз.

Челюсти смыкаются на моей щиколотке – это ж как надо извернуться!

Живой огонь. Визг!

«Туру-туру-туру-туру», – шаг-шаг-шаг-поворот.

«Тум-туру-рум», – пропустить «рыбку» мимо себя.

«Шу-ух» ногой по дуге, поддевая щебенку.

Утопленник подвижен, активен и быстр. Не бьет, а рвет и кусает. Если он показал все, на что способен, тогда, как вывод: он ноль в технике и чуть выше ноля в тактике.

Что-то особенное готовит? Или...

«Где же мой разум?»...

Или же цель не выбить из меня разом дух, а измотать, выпустить побольше крови. Пацан мертв, не устает.

Удар по щиколоткам, затем подсечка под колени.

Готовлюсь встречать землю.

Кувырок, падение на спину. Перекат.

В тумане не видно ни зги. Давай же, рыба моя, плыви сюда: я в воде, на твоей территории. Добей!

«Попробуй исхитриться»...

Колени и локти – вот, что разрывает туман в первую очередь. Доли секунды на ответное действие.

Левая – с цестусом – бьет в голову, в дохлую рожу. Следом – вбить правый кулак, рдеющий истинным пламенем, в солнечное сплетение.

«У-у... у-у... у-у»...

Кто-то визжит, что-то шипит. Больше нет сизогубого пацана, по моим рукам стекает вода. Вскакиваю.

– Надеюсь, на этом все? – спрашиваю у тумана.

Во мне ершится чувство вины. Я случайно подставил подростка, разозлил его. Парнишка плюнул в реку, а потом в полнолуние неудачно прошел близ воды. К воде его и прибрали... Мало того, теперь я повторно его... упокоил?

Жаль парня. Жаль, что ему вообще взбрело в голову пройтись вдоль набережной не в тот день, не в тот час, и подобрать не ту вещь.

Это какой-то заколдованный круг: только я решу, что закруглил вопросы с обитателями питерских вод, как всплывает что-то новенькое. Или за подводным камнем отыщется что-нибудь старенькое, позабытое.

– Все, я спрашиваю?! – злость прорывается наружу.

Опадает на траву и щебенку безобидной росой туман.

– Больше через Марсово не ходим, – Макс хмурился и не матерился – плохой признак. – Ни в какую Луну.

Смолчал: к сказанному нечего добавить, я готов был под каждым прозвучавшим словом расписаться.

– Я недооценил водных духов, – Женька имел вид бледный и холодный, как тот туман. – Вина на мне.

Я потягивал глинтвейн. После нашего похождения он куда лучше заходил, чем пиво. Что покрепче между сменами пить – это надо Водярой быть, я же решил обойтись горячим вином с пряностями.

– Можешь искупить свою вину здесь и сейчас, – поднял бокал. – Почему ты работаешь дилером? Я пошел в казино за деньгами и ночным графиком. И потому что было интересно. Понимаю, зачем эта работа нужна была Ханне. Зачем она Максу и Таше. А какого рожна ты забыл в дилерской, не понимаю.

– Вино – вина – еще вина, – Шпалу, кажется, отпускало, раз уже начал ерничать. – Погодите с речами. Гарсон, повторить! Пусть лучше сразу притараканят, чем потом мельтешат не в кассу.

– С вами точно все нормально? – подоспел к столику работник кафе.

Хороший парнишка. Без вопросов показал, где уборная, предложил аптечку. Перед тем, как вломиться в ближайшее открытое заведение, я постарался привести себя в божеский вид. Остановил кровь многократным обращением к живому

огню. Отряхнулся от щебня и дорожной грязи, насколько это было возможно – извалялся-то я знатно.

Красноглазый поделился со мной ветровкой, чтобы прикрыть драную и окровавленную рубашку. Дальше ту рубашку только на выброс. Обмотка с руки перекочевала в брючный карман.

Платок кое-как отер кровь со щеки и шеи.

«Упал, да так неудачно», – это мы сказали парнишке.

Джо порывался было что-то еще сказануть, но я его придержал. В кафе еще до нас сидела парочка. Могло нехорошо получиться, если бы они заметили резкое изменение в поведении официанта. Они, конечно, заняты друг дружкой, воркуют, точно те голубки, но вдруг?

Я умылся, полюбовался белыми полосками шрамов на щеке. Прогнал столько раз живой огонь через себя, что в зеркале светиться начал факелом. С каждым обращением к огню шрамы истончались, и под конец исчезли.

Вода – враг огня. Воздействие тех, кто связан с водой, на меня – сильнее, чем чье-либо иное.

Немного потянул бы время – и остался бы с шрамированной физиономией. Человеку же, не имеющему сродства с живым огнем, на моем месте грозили бы еще более «веселые» последствия. Отравление, заражение крови и медленная смерть. Так мне позже Кошар сообщил.

– Все хорошо, спасибо, – искренне поблагодарил я парня.

Тот оставил на столике наш глинтвейн и вернулся за стой-

ку под бурчание Находько про ласты, которые еле шевелятся.

– Прояви немного уважения, – с укоризной сказал Шпале. – Он такой же работник сферы обслуживания, как и мы.

Макс демонстративно достал из бумажника пятисотенную, подпихнул ее под блюдо.

– Мое уважение к труду. Материальное к материальному. АБ, ты странный с утра. Ведешься на подначку кровососа. Приложить его фэйсом об тэйбл не тянет? Нет? Вместо этого АБ вписывается за человечешку.

Шпала отчасти прав: он-то против опасного маршрута возражал. Не стесняясь в выражениях.

– Я уже признал свою вину, – ровно отозвался Евгений.

Вурдалак, как мне виделось, не врал. Недооценил, в это можно поверить. Но и всей правды не говорил – такое у меня было ощущение.

– Так на кой ляд ты подбил огонь пойти к воде?! – жажнул кулаком о стол Макс.

Хорошо, я успел допить первую порцию глинтвейна и взял в руки вторую кружку. Иначе мое вино плеснулось бы через край, как и Максово.

– Угомонись, – обратился я к Шпале. – От Джо поступило предложение. Я на него согласился. Это было мое решение.

Кровопийца, имей он на то желание, мог прикончить меня в другом заведении общепита, где стаканы скалят зубы, а графины выполнены в форме черепов. И не нужно было подвергать себя риску, идя на поле с водными духами, гово-

ритель за меня.

Со вчерашнего дня Лена вряд ли раскопала что-то настолько ценное в библиотеке, чтобы Джо повел меня к кончине таким сложным путем.

– Нахера? – лаконично уточнил Находько.

– Это. Мой. Город, – отпечатал я каждое слово. – Никто и ничто не выселит меня из него. Никто и ничто не заставит меня бояться: подворотен, полей или каналов Питера. Я должен знать, что приму любой вызов. Откуда бы этот вызов не пришел.

С минуту мы со Шпалой молча сверлили друг друга взглядами. Джо изучал потолок: белые фигурно-выпуклые квадратики, кажется, несли в себе глубокий смысл.

– Как был без башни, так и есть, – хмыкнул Макс. – А красноглазище наш на вопрос не ответил, на клыки крючок повесил.

– Мне было любопытно, – Джо отвлекся от потолка, показательно зевнул. – Год назад я заметил за нашим простаком-попутчиком занятное свойство: он не воспринимал мое внушение.

Чего я сильно не люблю, так это когда говорят при мне и обо мне в третьем лице.

– Едри же пассатижи, Джо! – столику снова досталось от Находько. – Ты слово давал, что не причинишь вреда АБ!

Это утро било все рекорды по изменению моего отношения к этим двоим.

– П-ф-ф, – отмахнулся Женька. – Никакого вреда, сплошная польза. Мы наговорили лишнего при человеке. Я всего лишь попросил бы его забыть об услышанном.

– Когда Макс назвал тебя дохлым конем в пальто? – любопытствовал.

Заметим: я держал себя в руках. И коня огнегривого тоже. Чтобы он не вспылал, не устроил бучу в общественном месте, я подогревал ладонями глинтвейн. Очень полезное упражнение, одно из двух, изученных на первом занятии с Чеславом. Правда, планетник учил меня не на стеклянной кружке жар выпускать, а на куске гранита.

– Именно, – подтвердил Джо. – Видишь, АБ нормально реагирует.

Нормально. Только теперь или пить почти кипятком, или ждать, пока остынет.

Вспомнил то утро, тоже июльское, только годичной давности.

«Усатого прикрыл сегодня кто?» – про опоздание Макса на смену.

«Дохлый конь в пальто!»

Все, что могло вызвать удивление в этом обмене репликами, так это обращение: «Усатый», – от Женьки к Максy. У дилеров не приняты бороды и усы, должностная инструкция включает в себя пункт об аккуратном внешнем виде. В этот пункт включено и бритье.

Я услышал и забыл. Мало ли при каких обстоятельствах

Митин видел Находько усатым. Может, еще до начала моей с ними совместной работы. А без подковырок эти двое и дня прожить не в состоянии.

– Я ща тоже норм среагирую: шею тебе сверну тощую, – дружелюбно оскалился Макс. – Тебе ж пофиг, куда тарашиться.

– Ты не слушаешь, рассадник блох. АБ помнит дохлого коня, и мое внушение на него не действовало уже тогда. Недавно я убедился: не только мое. За одним исключением: духи вод.

Стекло в руках треснуло. Я поспешил отбросить кружку с недопитым глинтвейном, чтобы не обжечься и не изгваздаться еще сильнее. Это огонь меня не берет, а кипяток – вода. Вино в данном случае.

– Простите, пожалуйста, – повинился перед официантом. – Рука дернулась. Мы оплатим.

Тот шустро подбежал к живописным осколкам в луже цвета крови.

Не все Шпале посуду в кафешках бить.

Я не рассказывал никому, кроме домашних нечистиков, о том случае с чугунными русалками с Литейного моста. Ни Джо, ни жене его, ни Шпале. Так откуда Митин об этом «исключении» узнал?

И откуда у меня устойчивость к внушению, работавшая, по словам кровопийцы, задолго до обретения огня?

– Хорошая новость в том, что и их воздействие на тебя

ослабло, – почему-то с укоризной глянул на меня Джо. – Практически сошло на нет. Откуда мне знать? Специфика моей чувствительности. АБ, скажи, у тебя есть какой-то оберег?

Я покачал головой.

«Сошло на нет», – хоть одна хорошая новость за утро, если мой немертвый коллега не солгал.

– Не находишь это странным? – обратился не ко мне, а к оборотню вурдалак. – Обычный человек, стойкий к внушению. Не задает вопросов при упоминании мира Ночи. То, что другому показалось бы странным – для него в порядке вещей.

– Я нахожу тебя говнистым жмуриком, – скривился Макс. – АБ, как насчет свалить отсюда в тихий переулок и подрихтовать один черепок?

– Он все еще не ответил на мой вопрос, – напомнил я про способ искупления вины, озвученный ранее. – С разбитым черепом, наверное, сложно будет говорить?

Митин показательно вздохнул.

– Дети! – он всплеснул руками. – АБ, я говорил сегодня за тебя, и скажу завтра, если понадобится. У нас нет конфликтов. Ты был занятым человеком, стал не менее занятым обитателем подлунного мира. Я дал волю своему любопытству в изучении твоей устойчивости к воздействию на разум, потому что был уверен в дневной слабости тех, с кем мы столкнулись.

– Это мы уже слышали, – скрежетнул зубами Находько.

– Дослушай, – велел Джо. – Когда мы слышали вопросы, они давили на тебя, АБ: страхом, беспомощностью. Позже наоборот ярили, чтобы ты полыхнул огнем, дал им повод тебя растерзать. Ты даже не почесался.

– Голосую за то, чтобы счесть эксперимент успешным, – я выставил руку вверх. – И перейти к моему вопросу.

Не стал выказывать облегчение и, тем более, благодарность. Вурдалак заслужил бы ее, если бы поставил меня в известность. Заранее. А не ставил опыты на мышке.

– Перейдем, – пообещал коллега. – Ты уверен, что не носишь оберег? Может, ты сам того не знаешь? Есть ли такая вещь, с которой ты не расстаешься с давних пор, носишь ежедневно?

– Нет, – ответил с уверенностью.

Соврал.

Женька недоверчиво сощурился.

«Щурься, клыкастый, не я тебе должен, а ты мне», – подумал и скрестил руки на груди.

– По поводу казино, – Джо понял, что ничего от меня не дождется. – У моей семьи есть прямой финансовый интерес. Я... скажем так, в меру сил присматриваю за тем, чтобы сей интерес соблюдался.

– Из дилерской? – приподнял бровь я. – Из-за стола?

– А какая разница, откуда присматривать? – вопросом на вопрос ответил кровосос. – Мой... образ жизни не позволя-

ет присутствовать в зале постоянно. Как на майском розыгрыше выдала девица из бара: «Работаем круглосуточно и в любое другое время».

Я упрямо тряхнул головой.

– Все равно непонятно.

Джо побарабанил пальцами по столу.

– Попытаюсь объяснить на примере. Помните корейнку на рулетке? Хвостатый стоял инспектором, ты крутил, а азиатка ставила по шансам?

Мы со Шпалой покивали. Карнавал с латиносами и «везучей» азиаткой было сложно забыть.

– Драгана тогда вызвал я. Вызвал, так как заметил воздействие, не прямое, через повязанного духа. К нам заявила мудан – шаманка из Кореи.

– Из Северной или Южной? – не в тему встрял с ерундовым вопросом Макс.

«Какая, ежика тебе под хвост, разница, из какой Кореи та мадам?» – полыхнул я мысленно.

– Из Южной, – терпеливо разъяснил Митин. – Шаманка настоящая, не из тех, что за плату воют и гримасничают. У нее дух к ветви сосновой был привязан и в зарок взят. Дух воздействовал на шарик, на мелкие предметы сильные духи могут влиять. Дух незаметен для людских глаз и камер. Он и мне незаметен, зато заметно воздействие.

– Джо, все из твоей семьи... или подобные тебе – видят такое? – теперь уже я не удержался от вопроса, на ходу пу-

тано формулируя мысль.

– Это персональное свойство, – ровно ответил вурдалак. – И я делюсь с тобой сведениями, потому что...

– Потому что не далее, как полчаса назад по твоей милости я дрался за жизнь? – спросил я с вежливой улыбкой и сверился с часами. – Двадцать пять минут назад, если быть точным.

Митин махнул пробегающему официанту, затребовал счет.

– Настоящая причина состоит в том, что я умею видеть возможности, – понизил голос вурдалак. – И не разбрасываюсь потенциальной выгодой, даже неочевидной. Неприменимой в текущем периоде.

– Эй! – рявкнул Шпала. – Ты же не удумал его тяпнуть? Только посмей пасть открыть, в бараний рог скручу!

Оборотень клацнул зубами, видимо, в попытке демонстрации процесса «тяги».

– Зачем бы мне тогда разглагольствовать? – покачал головой Джо. – Знай я наверняка, что хотя бы одна особенность АБ сохранится при обращении: огонь или устойчивость к внушению... Утрата вероятнее сохранения. Так что угомонись и не добавляй к счету еще боя посуды.

Последнее уточнение пришлось ко времени. Находько уже замахнулся кружкой в сторону немертвого коллеги.

На денежной ноте – оплата счета, чаевые парню – завершились наши посиделки.

Домой я пришел, полный дум.

Определенно, ответы Женькины полнотой не блистали.

Чтобы не говорить правды, далеко не всегда нужно лгать.

Правда – абсолютная правда – она как яблоко. Можно подать ее целиком. Можно нарезать на дольки, убрать сердцевину. Есть вариация с яблочным пюре, растертым, «разжеванным» для упрощения усвоения. И с пирогом-шарлоткой, где кусочки яблока-правды утоплены в тесте лжи. С компотом, где толика истины утопает в подслащенной воде бесполезных слов. Словом, масса вариантов.

А еще можно снять кожуру, отдариться той кожурой и оставить себе мякоть с косточками.

Очень похоже, нам с Максом скормили ведро яблочной кожуры. И выбора не предоставили: жуйте, что подано, и скажите спасибо, что вообще кормят.

Уйдя с головой в кулинарные сравнения, я имел глупость рассказать Кошару о прогулке через поле Потешное. Чуть не оглох.

Опять же, скрыть поход и драку было бы затруднительно. Утопленник привел мою рубашку в полную негодность. С порога видно, что утро у меня задалось.

Ругали в два голоса. Мал Тихомирыч поддержал шерстистого: в том, какой я балбес, их мнения сходились. Я кивал да помалкивал. Когда выбирал из карманов брюк все, что в них напихано, выяснилось, что где-то посеял конверт. Это который из Франции, но неизвестно, от кого. Зачем вычи-

щал карманы? Так после перекатов по мокрому щебню им прямая дорога в химчистку.

«Где-то посеял» – это, скорее всего, на Марсовом поле. Что упало, то пропало, как говорится, туда на поиски я точно не отправлюсь.

Я почти уснул, когда меня озарило: шаманка – дух – зарок. Нет, срываться и бежать искать южнокорейскую мудан – до такого меня не припекло.

Сам принцип важен: не все умершие покидают наш мир мгновенно, раз их кто-то способен захомутать.

В параллельной смене работает Миха со славным прозвищем Смерть. Я ясно видел за истинным пламенем отходящие от его тела дымчатые жгуты. Что, если Смертушка – это не только прозвище, основанное на любви к черепакам и косточкам в украшениях, а отражение его... сути? Его дара? Что, если Миха действительно как-то связан с умершими и может с ними взаимодействовать?

Тогда я просто обязан найти к нему подход. Пепел восстал пожаром и выжег единственного свидетеля, того, кто что-то знал о деятельности «шахматистов». Если есть хотя бы мизерный шанс расспросить его после смерти, то использовать его необходимо.

Липин Игорь Викторович поведал мне куда меньше, чем знал, об этой организации. Хорошо бы это исправить.

Воскресная смена прошла куда спокойнее субботней. В ожидании утра и финансов она прошла, так как до нашего

выхода в зал в комнату отдыха забежала на минутку главный кассир Татьяна. Она поделилась с нами, дилерами, хорошей новостью: зарплатные ведомости готовы, денежку можно будет получить по утру.

Пока народ обсуждал культурную программу на завтра (зарплатное утро, такое нельзя не обмыть), я подошел к Жану с вопросом. Точнее, с просьбой: попросил его дать мне телефон Михи.

– Зачем тебе Удовеня? – спросил начальник.

Михаил Удовеня – так у нашего коллеги в паспорте указано, он его даже показывал нам как-то по пьянке.

– Хочу поменяться, – почти не соврал я. – Сместить смены перед отпуском.

Может, и поменяюсь, только не с Михой, а с кем-то другим, чтобы попасть в одну смену со Смертью. Если с телефоном не выгорит.

Первой мыслью было взять подработку, но на ближайшие выходные у меня уже имелась договоренность с Максом о поездке. И с Леной, возможно, понадобится пересечься, если та что-нибудь нароет в университетской библиотеке.

– Я посмотрю, – пообещал Жан.

К утру он принес мне зеленый листочек с номером. Я его – номер – тут же продублировал записью в мобильном телефоне.

После смены мы все поочередно спускались по лесенке, ведущей в ВИП. Расписаться в ведомости, получить от кас-

сира свой конверт. В моем конверте после повышения категории стало побольше купюр, что не могло не радовать.

Там, внизу, я заметил Нину. Менеджер, выступавшая против моего повышения, что-то выговаривала сотруднику за-ла с игровыми автоматами. Она на меня не смотрела, была увлечена выволочкой.

«Кто такая она?» – снова накрыло меня.

Вдруг – чем черт не шутит? – разгадка стоит близко от меня?

«Хуже не будет», – подумал я и зажег над ладонью язычок истинного пламени.

Нина выглядела почти так же, как и в обычном зрении. Почти – это минус густой макияж, скрадывающий возраст.

Как и ожидалось, ничего мне этот просмотр не дал. Нина – человек. Впрочем, и Липин был обывателем.

– Шифоньер, ты встал так, что не обойти, не объехать, – ругнулся на меня Вадик. – Двинься, что ли.

Это я подход к лесенке частично перегородил своим массивным туловищем.

А дальше, после получения всеми заветных конвертиков – в лучших традициях – были посиделки на Малой Садовой. И бурные обсуждения дальнейших мероприятий, будто их за ночь не хватило кому-то, всю смену обмусоливали, куда лучше пойти.

Я отсел в сторонку, где шумели поменьше. К Таше под бок. Находько на выходе из здания перехватила супруга.

Поддела его хрупкой женской рукой под локоть и мягонько, но неуклонно уволокла к припаркованной возле газона машине. Джо испарился после звонка. У него своя выпивка, похоже, организовалась.

Народ договорился до самой скучного, на мой взгляд, заведения – бара. Все, что там представляло интерес (кроме спиртного, которое где угодно можно найти) – это дартс.

Решил, что посижу с коллегами полчасика, а потом предложу Арктике плавно переместиться ко мне.

– Пошли-вышли? – хлопнул меня по плечу Водяра.

Я только подумал про Ташу, огонь и прочие приятности...

– Что срочное? – лениво откликнулся.

– Да, дело есть, – Коломийцев подхватил стопку, опрокинул ее одним махом, цапнул со стола полную бутылку «беленькой». – Идешь?

Мы вышли на улицу, в поднявшийся ветродуй. Сначала топал я, следом Вадик.

Удивиться стеклянному звону, сильному удару по темечку и темноте, что последовала за ударом, я не успел.

Очнулся от хлопков и всхлипов. Странное сочетание, особенно после звона стекла и отключки. Еще и попахивало... Едкой кислятиной, горечью и чьим-то небогатым внутренним миром. Я что, оконфузился?..

Быстрые осмотр с принюхиванием подсказали: не во мне дело. Источником вони и звуков являлся Вадим Коломийцев, и он же, скорее всего, помог мне принять сидячее поло-

жение возле дерева. И руки стянул за стволом, вероятно, он же. Не иначе, из заботливых соображений – чтобы не упал коллега, не поранился.

«Так, ехидство оставим до лучших времен», – покривился я. – «До тех, когда пойму, что за дичь со мной на этот раз происходит».

– Не могу, – шмыгнул носом Вадик. – Не могу, не могу.

Нас с ним разделяли ветки, вроде как ивовые. Деревья сильно смахивали на те, что растут в центре кладбищенского пруда Карасичей, старшего водяника и младшей, дочурки его. Заслон ветви с листьями давали не полный, так что коллегу я опознал. И по виду, и по голосу.

Место действия ничем не напоминало окрестности бара, возле которого меня выключили, облив водкой. Бар в городе: старая застройка, асфальт, тротуары. Не ивы плакучие с землицей и травушкой. Справа вроде и песочек виден, за зеленью не сказать точнее. И плеск... набережная? Те в гранит в основном забраны.

И еще в центре города соловьи не выводят звонкие трели, а если и распоеется птаха, за шумом машин никто ее не услышит. Здесь же, поодаль от меня, то замолкал, то заливался нежными песнями соловушка.

«Куда меня коллега – на кол бы его! – приволок?» – отозвалось в затылке болью.

Немного живого огня для ясности мысли... А поразмыслить тут было, о чем.

Мое мнение о Водяре сложилось в первый год совместной работы. Из разных мелочей, из косяков, из похабного отношения к обязанностям и людям, из откровенной ссыкливости (не сказать тут иначе). Если коротко, звучало оно так: не мужик.

Поначалу, как вся партия стажерского «свежего мяса», я развешивал уши над его историями. Пока Вадик не подставил стажера.

Была сделана неверная выплата на рулетке, причем очень круто (и не в пользу казино) обсчитался дилер, а инспектор (собственно, Вадик) выплату допустил. «Чек?» – спросил дилер. «Чек», – подтвердил инспектор. «Верно? Верно!» – так это можно упростить.

Потом пришел сигнал с видеонаблюдения, подошел вежливый Драган и начал задавать вопросы тем, кто стоял за столом. Когда казино переплачивает игроку, просить того вернуть лишку – дурной тон. Может, где-то и практикуется подобное, но не у нас.

Водяра сказал, что его отвлекли в момент выплаты, а крупье не спросил, чек или не чек. Я был за соседним столом, и слышал, как было на самом деле. Постукивать – это для дятлов, не для меня. Промолчал.

Потом была странная смена, когда Коломийцев терзал дрожащими пальцами колоду карт. Карты упрямились, рассыпались, замес получался еле-еле.

Джо по утру за пивом хмыкнул: мол, на старости лет Водя-

ра решил научиться «исполнять», замешивать в определенной последовательности карты. Чтобы сдавать некоему «случайному» игроку хорошие комбинации. «Заряжать» колоду с похмелья, подыхивая перегаром, не стоило. Он еще и трясся, что тоже не облегчало процесс.

Митин, помнится, улыбнулся в бокал и обронил, что больше Вадим подобного практиковать не станет. Почему? На этот вопрос Женя неопределенно пожал плечами. Я решил, что дело в зорких пит-боссах: раз непорядок усмотрел Джо, и те должны были заметить бедлам и сумятицу на покерном столе.

Окончательно добило меня поведение нашего героя-алкогола в утро, когда он затянул нас, молодых и глупых, «пошпилить». Сыграть в другом казино. То, чего нельзя, но если очень хочется, то можно – втихаря и без проверки паспорта.

Он обещал нам показать, как «катают папки». Показал, как «папка» оставляет всю зарплату в чужой кассе. И выпрашивает, точь-в-точь как наши чайки-марамои-побирушки, у всех подряд по фишечке. Отбиться!

Из зала он выполз без гроша, с ворохом долгов и шмыгающим носом. Разнылся в ожидании такси (за чужой счет, разумеется).

«Папка» был откровенно жалок тем утром.

Мне Коломийцев пакостей не делал (до сего дня, конечно), но у меня рядом с ним всякий раз возникало ощущение, что я не человека вижу, а застывший слой жира на желеоб-

разной массе.

Я думал, в самом убогом состоянии Водяра передо мной уже предстал. Тогда, харкающим на мостовую голоштанником.

Как показало утро нынешнее, я ошибался.

Вадя, сидя на корточках, ладонями похлопывал себя по щекам. И вот эти его шлепки – они настолько ровно ложились на эту спонтанную ассоциацию, что мысль получила продолжение. Хлипкий студень, не человек, а мудень.

Несомненно, я предвзят. Так на то у меня имелись основания.

– Должен! – решился на что-то Водяра, как мысли мои услышал.

Хлюпнул носом, встал, отряхнул колени. Бухнулся в прежнюю позу, завыл на одной ноте.

Если бы я мог, приложил бы к лицу руку. Но те были заняты: я осторожненько нагревал запястья, чтобы позже без труда освободиться. Не резко, потому как не хотел привлекать внимание. Спугнуть студня не хотелось.

– Не могу, – опять проямлил Коломийцев. – Он нравится Маргошке, – с небывалой тоской добавил вдруг он. – Она расстроится.

«Чего?!» – нечаянное Вадькино признание потрясло меня сильнее, чем удар по кумполу.

Похитить человека, связать его. Нанести телесные повреждения. А после – шлепать себя по лицу и ныть, что тайная

засноба опечалится?! Причем «тайную» стоит взять в кавычки, поскольку в узком коллективе, в небольшом стаффе все затаенные вздохи быстро становятся явными.

Я понял бы, встань – здесь и сейчас – между нами Маргаритка. Ей, понятно, неоткуда тут взяться, но вдруг? А вот так – где логика? Конечно, я не в накладе: живой, только чуток побитый, да это мне не привыкать. А мог и не очнуться, будь мой коллега тверже характером, обладай он стальными шарами и умением не только бить, а еще и убивать.

Липин имел и то, и другое. Задержка в его случае была вызвана сугубо практичными соображениями. Он не хотел «разбазарить» огненный дар.

Этот же... Серьезно, это было бы смешно, не будь оно так грустно.

Ситуация, от которой во многих смыслах плохо пахло, затягивалась. Бормотать Водяра перестал, впав, похоже, в оцепенение. Что же, выждать и вслушиваться – больше не наш метод. Пора начинать действовать.

Осталось решить, как именно действовать. Подкрасться незаметно – это не с моими габаритами. Ниндзя из меня курам на смех. Раз я могу видеть за «занавеской» из свисающих веток Коломийцева, то и Коломийцев заметит первое же резкое движение с моей стороны.

Бросится, чтобы докончить начатое – хорошо, встречу с распростертыми объятиями уже свободных рук. А если ринется бежать?

Гони его, а не догонишь – ищи-свищи? Уволится без отработок, укатит в глушь. Пишите письма на деревню дедушке? Нет, такой вариант мне решительно не подходит.

Значится, будем импровизировать.

– Вадь... Ох, голова... – я постарался попасть в тон, каким был и подвывал мой коллега. – Вадик, ты здесь?

Показать голосом: я слаб, незащищен, дезориентирован. Нечего бояться.

И при этом готовиться к рывку, если моя актерская игра окажется недостаточно убедительной. Если мой старший коллега стухнет и надумает слиться, бросится наутек. Старший – по возрасту. Точно не знаю, сколько ему, но под тридцатник. А то и за...

– Мне что-то так дурно... Перебрал, наверное, – продолжаем изображать Незнайку. – Ты меня на воздух вывел, да?

«Угу, а по башке треснул, потому что увидел на волосах комарика и не рассчитал с силой удара. По комарику, ясен пень», – это уже не вслух, в мыслях. – «Именно водочкой, чтобы сразу и продезинфицировать место укуса».

Коломийцев – запойная пьянь, в «перебрал и поплохело» должен поверить. С ним самим подобное бывало не раз и не два.

Водяра явно колебался. Жаль, лицо было совсем плохо видно, листва мешала.

– Ох, как спина затекла, – попытался донять до нужного мне результата. – И рук совсем не чувствую. Вадик, помоги,

а?

Сюда так и просилось: «Будь другом». Но называть другом кусок студня у меня не поворачивался язык.

Вадик встал. Шаг, другой, третий... Я все ждал: сорвется или нет рыбка с крючка? Аж дыхание затаил.

Перед завесой из тонких веток он замер.

– Да-а... – голос Водяры дрогнул. – Накрыло тебя. И мы на воздухе, дышим, вот. Вдыхаем... Как ты, Шифоньер, не совсем развалился?

«Подойди и проверь».

– Кажется, я в труху, – я издал что-то между смешком и икотой. – Дышу и то со скрипом.

Смех успокаивает. Одна бесхитростная шуточка может разрядить обстановку легче и действеннее долгих увещаний.

Коломийцев крякнул – будем считать это за смех.

Ветки раздвинулись. Вадик шагнул ко мне.

Первый пик пройден. Пик – громко сказано, так, за мелкий холмик перевалили. Впереди пригорок повыше: я должен «легализовать» свободные руки. Так, чтобы связавший меня Водяра поверил, что «оно само».

В прошлый раз у него было два пути: подойти или бежать. Было проще, поскольку я уже знал – сломался Вадик, разнюнился. Знал, что тот идет ко мне не убивать, а попытаться разгрести содеянное. Мол, я не я, и лошадь тебя привезла не моя. И лягнула в черепушку тоже чья-то чужая ло-

шадь.

Он держится за работу. Без денег сложно жить и пить, и плюс там, в казино, Маргаритка.

Завидев, что я снял путы, Вадя встанет уже перед тройным перекрестком. Сбежать (попытаться, без форы фиг он от меня уйдет), напасть или же решить все миром.

Может быть, скинуть вину на кого-то другого. Кого? Да хоть бы и на меня самого, вроде: ты сначала отключился, а потом как стал буянить. И пришлось принять суровые, но необходимые меры, чтобы сам себе не навредил. Чушь, конечно, но это в характере Коломийцева – сваливать вину на других. Умывать руки, отмазываться.

«Как же сложно с людьми», – кольнула внезапная и несвоевременная мысль. – «Мир Ночи играет словами, но прямой лжи я от его обитателей ни разу не слышал. Могут сбить с толку, напустить тумана, это да. Но их слово имеет вес и не расходится с действием».

По крайней мере, по сию пору со мной было так. Не считая эпизода с разъяренной ведьмой Златой, так та вела со мной игру, как с обывателем.

Все, мысли не по делу в сторону, Вадик двинулся ко мне и даже руку протянул. Забавно: он же сам мои конечности вязал. Или нет?..

– Не бзди, ща починим тебя, – а голос-то не шибко уверенный.

Я встряхнулся, как большой лохматый пес. Домовой в до-

ме дядьки мне здорово напоминал такого шерстяного собачена, его и спародировал. Размял плечи, шейю покрутил.

И вывел руку из-за спины, протянул ладонь Вадику. И мышцу у локтя напруг, дрожь изобразил. Получилось с превеличением, не тремор, а как от тока подергивание. Сойдет по сельской местности...

Он впялился на мою лапу, на мое лицо, полное дружелюбия, снова на ладонь.

И... Есть реакция!

Студень сначала отдернул руку, затем, передумав, перехватил мое запястье, потянул на себя.

Встал, покрхтывая, а сам старался не показать торжества. Держим лицо деревянного, как Буратино, Шифоньера.

Второй пик, который пригорок, преодолен. Третий – реальная гора, на которую могу и не взобраться. Вершина той горы – суметь разговорить Водяру. Желательно, не прибегая к насилию. В конце концов, нам с ним еще в одной смене работать.

Просто не будет. Без насилия – это вообще заоблачно высоко.

Кто-то другой на моем месте сказал бы, что нечего со студнем церемониться. Опрокинуть, скрутить, поменяться местами у деревца – и устроить любителю беленькой допрос с пристрастием. Этот путь куда короче и проще.

Но тут какое дело: я не умею пытаться людей. Не приходилось. Проблема не по технической части: тот же урок Чесла-

ва с неторопливым нагревом поверхности через ладони отлично бы сработал. Кисть Вадика зажать в руках, как в тисках, и подавать жару по капельке. Руки – второй по важности инструмент крупье, после мозгов. Мы руки свои бережем.

Даже не обязательно доводить до обгорелой плоти. Коломийцев – слабак и трус, как потянет жареным, тут он и спечется. Страх доделает остальное.

Дело в другом. Миролюбие, о котором я столько раз повторял за прошедший месяц, что впору на языке мозоль заметить, не напускное. Намеренно причинять боль незащитному разумному (человеку ли, обитателю ли мира Ночи) – меня коробит от одной мысли.

Увы для Водяры, это не значит, что мне не хватит духу. Хватит, если мирные средства будут исчерпаны. Ответы, понимание причин для меня сейчас важнее мук совести. Прибавятся к моим кошмарам вопли подпаленного Вадика, что же. Множить сущности есть нужда.

Пока же попробуем пройти сложной горной тропой – тропой терпения и увещевания.

– Вадь, – не отпуская его руки, с растерянностью в голосе обратился я. – А где это мы?

– Так... это... м-м... – проямлил студень. – У Верхнего озера. В той вон стороне, – свободной от моего «дружеского» пожатия рукой он указал направо. – Поклонная гора. Там, гряд, тело Распутина жгли на костре. А он сел в гробу да махнул рукой. Вот, в Озерках мы.

«Отличный загар, Вербочка. Куда ездила?» – голос Боре-евой в голове.

«Купаться можно и в Озерках», – ее милейшество Маргаритка.

Есть ли связь? А бес его знает, и сейчас не о том речь.

Кстати говоря, одна из немногих вещей, что я запомнил из лекций по истории в универе (я их всего пяток и посетил за первый семестр первого курса), как раз про кремацию тела Распутина. Согласно заверению нашего историка, останки почтенного старца сожжены были в печи Политехнического института. Где правда? Не знаю, и момент для выяснения неподходящий.

А вообще – хорошо идем, к успеху идем. Не сглазить бы...

– Круто, – я выпустил руку Вадика. – А как мы тут оказались?

И поморгал быстро и удивленно. Так Овца делает, когда тупит и просит подсказать ей выплату.

– Частник подвез, – Водяра подернул плечами. – Прижало тебя, приятель. Духота да водочка – плавали, знаем. Смо-рило. На воздух самое оно, когда такое дело. А тут хорошо, птички поют.

Соловушка подтвердил, залившись трелью: птички поют.

Именно этот момент выбрал комар, чтобы впиться в мою шею. Самое оно, ага...

– Спасибо, Вадь, – я шлепнул кровососа и широко оскла-бился коллеге. – Ты хорошо поступил.

Придвинулся к Водяре, хлопнул его по плечу.

– Спасибо! – повторил с чувством. – А зачем было связывать?

Он дернулся, я сжал сильнее пальцы. Вот мы и подобрались вплотную к самому сложному отрезку пути.

– Вадь, серьезно, что происходит? – в противовес зажатому плечу просил я как можно мягче. – Ты ведь парень нормальный, не злой. Расскажи мне, что на самом деле тут творится? Ты меня знаешь, я вменяемый, пойму, войду в положение.

– Угу, наклонишь и еще разок войдешь, – Коломийцев предпринял безуспешную попытку сбросить мою руку с плеча. – Не надо мне в уши лить. Я тебе не стажерка-первоходка, мне с полтычка в голову не впендюрить. Эх, зря я тебя пожалел.

«Эх, а ведь так отлично двигались к успеху», – взгрустнулось мне.

– Похоже, возникло недопонимание...

– Недовынимание недопроникло, – ощерился Вадим. – Повторяю, не лей мне в уши, тварь. Я своими глазами видел, что ты вытворяешь.

«Он отрастил шары, или его покусал Находько?» – удивился я. – «Вообще в духе Шпалы шпарить начал. Ладно, последняя попытка».

Похоже, переборщил я с показательной слабостью. Он надумал, что, поборов меня один раз, легко повторит свой по-

двиг.

– Не знаю, о чем ты, но хочу уладить ситуацию миром, – дипломатично выговорил я. – Нам же вместе работать. Мне не нужны как конфликты, так и повторы сегодняшнего. Мир, Вадь?

Вместо ответа он замахнулся. Дряблые мышцы студня явно не знали драк и тренировок, замах вышел слабый, медленный. Я без труда левой перехватил его кулак. А правой сразу ударил в солнышко.

Все, время дипломатии прошло, а третий пик не покорился.

Раскрылся рот Водяры, щелкнула челюсть. Вадик сложился, прилег на травку в позе эмбриона.

– Тварь... – нескоро сумел выдавить из себя коллега.

Я провел с ним, в некотором роде, рокировку. Подтащил к тому же дереву и стянул за спиной руки его же ремнем.

– Приятно снова познакомиться, – улыбнулся в лицо бедолаге. – Меня можешь продолжать звать Шифоньером. Мы остановились на том, что мне не нужны конфликты. И на том, что мне очень хочется выяснить причины происходящего. Ты мне поможешь по-хорошему или по-плохому?

Вадя не ответил, сплюнул в сторону.

Я прошелся туда-обратно перед тем, кто недавно распустил нюни, а теперь вдруг стал хорохориться. Походить, нервируя коллегу – двойной прок, и себе немного времени на раздумья дать, и его промариновать в неведении.

«Насилие – путь неразумных. На всякий страх найдется страх больший», – говаривал отец, убеждая в правильности поиска мирных путей.

Был ли у Вадика больший страх? Что-то такое, что заставило студень собраться и попытаться дать отпор.

Этого делать совсем не хотелось, но я больше не находил вариантов, исключаяющих силу.

Почему вообще возился с Водярой, еще и допускал продолжение совместной работы с ним? Так не далее, чем сутки назад мне один кровосос прожужжал все уши про внушение. И из услышанного я сделал простой, как советская песня, вывод: для Джо и ему подобных это самое внушение – естественный способ решения разных задач. От добычи пропитания до «подтирания» нежелательных воспоминаний.

Со слов того же Джо, на меня не проходит внушение вурдалаков и не только их. И я в этом – скорее исключение из правил, чем норма.

Мог ли кто-то внушить Вадиду идею вывезти меня на природу и сделать к той природе ближе посредством закапывания трупа под слоем земли? Вообще не удивлюсь.

В голове Водяры едва ли умещается больше двух мыслей за раз, причем одна из тех мыслей – о беленькой. Чтобы он сам – с ходу – надумал на меня напасть за то, что с огоньком увидел? Не знаю, не знаю...

Кроме внушения есть еще и банальный, но весьма действенный шантаж. Под угрозой здоровья близких на что

только не идут. Если дело в чем-то таком – я готов забыть и замаять покушение.

И третий повод вполне допускаю, будничным, реалистичным. Коломийцев мог влезть в долги по-крупному. В счет погашения долга списать, предположим, поручили меня. Кто и на кой? Это уже другой вопрос, мне сейчас не до дебрей причинно-следственных связей.

Главное – это то, что при любой из надуманных причин я спущу на тормозах вот это вот все. Даже очередную испорченную рубашку. Руку перестану подавать студню, но отсутствие приветственного рукопожатия жить не мешает, а неимение зарплаты – очень даже.

И чхать на то, что Водяра врал, как сивый мерин с рассказом про частного. Подвезти двух парней, один из которых в отключке и с характерным запахом алкоголя – это да, легко. Вымарать салон в крови, которая сочится из затылка одного из парней? В такое не поверю даже с отшибленной напрочь башкой.

Это после живого огня там корочка запекшаяся, а до «самолечения» кровушка всю сочилась из порезов. Осколки стекла – дрянь та еще.

Помнится, у Вадика было четырехколесное. Развалюха древняя, кажется, «четверка», точно не вспомню. Не удивлюсь, если наткнусь по пути к цивилизации на припаркованный «жигуль».

Вранье – бес бы с ним. Мне не содержимое ответов бы-

ло нужно от Вадика, а ответы сами по себе. Разговору или нет. До определенной точки разговорить удалось, дальше – застопорились.

Я перестал расхаживать взад-вперед, остановился перед коллегой.

– Ты же любишь крупные ставки, Вадь? – спросил его с равнодушием в голосе. – Сколько горелых частей себя ты готов поставить на то, что сохранишь молчание в процессе? – я зажег над ладонью огонь, приблизил его к подбородку Водяры. – Для начала мы тебя слегка побреем, за ночь оброс... Или лучше начать с менее заметных мест? Верно, с ожогами на нижней челюсти будет сложнее говорить. Выбирай: правая рука или левая?

Никогда не общался с маньяками. Но зомбоящик в комнате отдыха у нас работал постоянно, а там чего только не показывают. Для примера – сойдет и актерская игра. Мне не Оскара получать, а лишь перебить больший страх страхом гигантским.

Противно? Еще бы, но это слабый шанс остановиться на угрозах без реального членовредительства. Ради такого я готов изображать психопата. Только сегодня и только на нашей сцене: Бельский Андрей – актер главной роли. Погорелого театра, епрст...

Работало! Вадика начало потряхивать, рот искривился.

– Т-тварь, – застучал зубами Водяра. – Поганая т-тварь!

Неведение – тоже страх. К блюду пришла пора добавить

специй. Я зашел за спину Вадику, присел на корточках.

– Правую... Левую? – принялся приближать и отдалять огонь от кистей рук. – Обе? Хм-м...

Водяра выл, выкручивал конечности, насколько позволяли путы. А я по-прежнему пытался обойтись малой кровью... Малым жаром.

Весь вред, что я ему нанес – это опаленные волосины на костяшках. Они почернели, оплавилась, скрутились и запахла. Такие маленькие волосики, а пахнули! Мне лично понравилось, мне теперь все запахи, связанные с огнем, приятны. А вот коллеге моему, похоже, не очень...

– С-су-у-чий потрох! – если взвять со стучащими зубами, получается ну очень странное звучание. – Я скажу!

– Скажешь, конечно, скажешь, – согласился я, снова подводя огонек. – Причем добровольно и с песней. Да, Вадь?

– Да! Да! Д-да! – выстучал зубами Коломийцев.

Громко получилось, не хватало еще, чтобы на вопли кто-либо сунулся. Будет сложно объяснить с учетом композиции возле деревца, что хороший парень тут – я. Относительно хороший, разумеется.

Обошел дерево, встал перед Вадимом. Дал огню взметнуться выше, жаднее.

– Меня не интересует, с какой целью ты меня сюда привез, – доверительным тоном сообщил студню. – Мне важно знать: зачем? Почему? Если кто-то велел, то кто?

Во взгляде Коломийцева что-то блеснуло: что-то, кроме

страха. Ярость? Возможно. Я не настолько хорошо читаю по лицам и глазам, чтоб утверждать наверняка.

– Чтобы одной тварью стало меньше, – это звучало бы гордо, с вызовом, не мешайся зубной перестук. – Враг рода человеческого должен сдохнуть, как пес! Сгнить в земле!

Это становилось интересным: Водяра речь про тварь и врага повторял с чых-то слов, сам он так не выражается. Не его это похабный стиль. Нахватался от кого-то наш любитель выпить.

Как-то похоже на проповедь прозвучало...

– Рода человеческого? – я потер подбородок. – Церковь новый крестовый поход объявляет?

– Церковь нас не спасет, – в запале бросил Вадик, явно снова за кем-то повторяясь. – Только мы сами, своими руками, можем спастись.

Итого, что мы уже выяснили? Что студню качественно промыли мозги. Все то небольшое, что обнаружилось в районе пустой антресоли, где эхо, эхо... Таша так про голову Бореевой высказывалась, но к Вадиду оно поближе будет. И с религией я промахнулся.

– Вадь, кто хочет спасти тебя... и других? Кто такой умный и заботливый?

Может, так в лоб не стоило спрашивать. Но что уж теперь...

– Они... они... – зрачки Вадика расширились, завращались – ненатурально и жутко.

– Кто? Имена! Кто – они?

Вздудось бесконтрольно пламя, я только и успел, что отшатнуться, сделать шаг назад.

– Твари нельзя узна-а-ать! – вырвался из горла Коломыйцева истошный крик.

А потом он булькнул, выпучил глаза, испуганно, недоверчиво и незащитно. Как-то по-детски. Дернулся и обмяк. Из рта полилась кровь.

До меня не сразу дошло, что случилось. Что разговор наш окончен, собеседник выпал из обсуждения. Категорически выпал.

Секунд пять-семь я тупил, хватая воздух раскрытым ртом. Взбунтовавшийся было огонь угомонился, скрылся под кожей. Я проверил дыхание – отсутствие такового, поискал пульс. Пнул со всей дури ствол дерева.

Выругался так, что листва зашелестела. Смущенно и укоризненно.

– Ни хрена, – скрипнул зубами. – Разговор не окончен.

Я успел уже проверить, что мой телефон на месте, и даже не выключен, хотя бумажник пропал. В пустую антресоль не залетела мыслишка о том, чтобы проверить чехол на ремне.

Правильный, законопослушный гражданин вызвал бы скорую, милицию, да того же Крылова набрал бы. Вот только у меня выдалось неправильное утро, незаконное.

– Мих, привет, это АБ беспокоит, – сказал в ответ на хриплое: «Хто?» – Так сложилось, что мне необходима твоя по-

мощь.

– Сменами не меняюсь, – лениво озвучил Миха.

Удовеня зевнул так громко и заразительно, что моя нижняя челюсть тоже поехала к земле. Это с учетом того, что меня все еще потряхивало от событий и «беседы».

– Я по другому вопросу, – быстро вставил, пока коллега не сбросил вызов. – По другому твоему... профилю.

– Хе-хе-хе-хе, – в мое ухо сухим песком высыпался его смех, начисто лишенный веселья. – Денек начинается любопытно. Так что, говоришь, ты хочешь, чтобы я для тебя сделал, Бельский? Подумай хорошенько, в самом ли деле тебе так нужна моя помощь. И достанет ли тебя на оплату... кхе... помощи.

– Услугу, – сориентировался я, припомнив слова Шпалы в сауне. – За твою помощь я буду должен тебе одну услугу. Таковую, какую мне по силам оказать, и что не нанесет вреда мне самому, моим близким, и не преступит правил Ночи.

Пока Миха обдумывал мое предложение, я благодарил Кошара, за то, что тот вдолбил в мою голову несколько формулировок. Включая и эту вот. Шерстистый, понятно, продолжал блюсти свой интерес. Мое выживание для него важно, чтобы я продолжал греть и кормить его, пушистого. Все, как у настоящих котов.

Во фразе ничего не было сказано о нарушении законов обычных, тех, что под грифом «УК» и прочие «К» – кодексы. Но тут уже такое: нельзя искупаться, не замочив ног. Ого-

ворка про вред себе отчасти должна защитить от совсем уж диких запросов.

– Я не спрошу с тебя за помощь поперек Покона, – озвучил согласие Смертушка. – Как понимаю, услуга от меня требуется уже сейчас?

– Правильно понимаешь, – облегчение я постарался сдерживать. – Чем скорее, тем лучше.

Будет крайне неловко, если к нам с покойным Водярой заглянут на огонек, скажем, влюбленные с целью пошалить в укромном месте. Так что да: чем скорее сюда заявится Удовеня, тем мне спокойнее.

– Где именно? – ни смеха, ни зевоты, холодный тон.

– Озерки, – я понял, что дурак – зову Миху туда, не знаю, куда. – Где-то у Верхнего озера. Точнее пока не могу сориентировать. К твоему приезду постараюсь уточнить.

– Вот этого не нужно, – пресек мои поползновения коллега. – Сиди тихо там, где сидишь. Если я тебя верно понимаю, высовываться тебе не стоит. Мои тебя видели, чуяли. Отыщут. Все, отбой, еду.

– Фу-ух, – позволил себе вздохнуть с облегчением, услышав звуки сброшенного вызова.

Стоило ли загонять себя в долги до того, как получу ответ? А бес его знает. Вот только, как мне думается, Миха с места не сдвинулся бы без моего обещания. А мои вопросы к Вадику стали только злободневней с его уходом в мир иной.

«Жизненное», – кхекнул мысленно.

И принялся ждать Смерть в компании труппа коллеги.

Миха: щетина с сединой на подбородке (Михе нет и тридцати), легкая сутулость, метр девяносто худобы и апатичный взгляд.

– Не знал, что у нас тут корпоратив.

Я ждал, прислушивался, осматривался, и все равно пропустил приход Смерти.

– Как и я, выходя поболтать с сотрудником, не знал, что дело кончится всем этим, – повернул к Михе голову так, чтобы он смог увидеть мой красивый затылок.

А потом зашелся нервным, совершенно неестественным смехом.

– Корпоратив... – отдышался и снова захохотал.

– Всякое случается в жизни, – безразлично высказал Миха. – И в смерти.

Меня попустило, судорожные смешки прекратились.

– Время – деньги. И сон, – поучительно продолжил Удовеня. – Как здесь закончим, настоятельно рекомендую тебе хорошенько придавить подушку. Сейчас сходи, погуляй. Проветрись. Вон, хотя бы со свидетельницей пообщайся. Или сообщницей?

– Сейчас не понял? – я, честно сказать, растерялся, заозирался по сторонам.

Возмущенно квакнула лягушка.

– Ясно, значит, свидетельница, – с выражением абсолютного пофигизма на лице и в голосе сказал Смерть. – Пока-

жись, дева озера. Мертвая дева мертвого озера.

– Э?

Определенно, совет про хороший сон был весьма кстати, нервишки у меня тем утром пошли в разнос. Совсем контроль за своими эмоциями и реакциями растерял.

За спиной послышался плеск воды.

– Приглашаешь к себе? – глядя мимо меня, спросил Миша. – Мы не утрудимся, подойдем.

И рукой мне махнул, мол, потопали.

За зеленью вполне ожидаемо обнаружился берег озера. И весьма неожиданно – девушка, по плечи погруженная в воду. Плечи тонкие, шея длинная, кожа бледная.

– Русалка? – вслух предположил я.

Что было резонно: купальщица, даже сильно в воде засидевшись, едва ли станет настолько бледной, чуть ли не до прозрачности.

– Мы не посягаем на воду, дева озера, ты не посягаешь на землю, – озвучил коллега. – Нет между нами вражды и претензий.

– Кроме дыма вонючего, ты хочешь сказать? – наклонила головушку дева. – Знаешь, как вонь над водой разносится? Фу!

«Дева» выглядела лет на пятнадцать-шестнадцать и была отчаянно некрасива. Маленькие глазки с опущенными вниз внешними уголками. По низкому лбу словно струйки воды спускались тонкие пряди волос, то ли русых, то ли серых.

Нос, непропорционально длинный, нависал над тонкими губами и скошенным подбородком. Довершали картину оттопыренные уши и мелкие кривые зубы, которые дева то и дело показывала, скалясь. Или то была улыбка?..

Если я верно помнил (тут сразу уточню: помнил неверно), в русалочий «штат» зачисляли девушек-самоубийц. С таким-то отражением в зеркале немудрено было камнем на дно добровольно пойти...

– Дым – это... – начал было я.

– Если вздумал оправдываться, заткнись, – негромко велел мне Миха. – Не смей. Примут, как слабость, откроют охоту. Ты разжалобился от ее вида? Несчастливая уродинка, все такое. Забудь. Уродинка поди успела столько за свою недолгую натворить, что иному рецидивисту и не снилось. Успела ведь, а, любопытная?

– С такими локаторами самое то любопытничать, – буркнул я себе под нос, но дева услышала.

– П-ф-ф, – фыркнула русалка. – Нужны вы больно, чтобы вас подслушивать.

– Ты все еще здесь, – пожал плечами коллега. – Что говорит само за себя.

Девушка изобразила ртом нечто булькающее и ушла под воду.

– Поди за водорослями покрепче занырнула, – Миха махнул рукой. – Скоро опять объявится. Тянет таких, как она, к смерти.

Спорить с ним я не стал, ему виднее. Спросил про другое.

– Что дева мертвая, понятно и видно. А озеро почему мертвое?

Смерть выпростал руку, указывая на другой берег озера.

– Там кладбище. Шуваловское. Соприкосновение зон влияния, так сказать. Ненавижу лекции. И дело пора делать. Дева как вынырнет, можешь с ней поболтать за всякое. Главное, слабину не давай и в воду к ней не заходи. Утянет – крикнуть не успеешь.

Удовеня развернулся и ушел, оставив меня у воды. Поверхность рябила от ветра и водомерок, а дна даже у берега было не разглядеть от мути. Замутило – от алкоголя ли, или же от сотрясения – и меня. С трудом удержался от вызова живого огня: не прямо же на кромке, на тонкой границе земли и воды? Не от страха себя сдержал, просто незачем провоцировать. Эдакий своеобразный этикет, как я его для себя понимал.

– И чего уставился? – русалка вынырнула прямо там, куда был направлен мой взгляд, не иначе нарочно. – Мало того, что дымит, так еще и пялится.

Я как раз ее не высматривал, больно надо. Но Миха сказал ждать здесь, а спиной поворачиваться к озеру? Поищите дураков в другом месте.

Коллегу, его желание сохранить свои тайны при себе, мне было нетрудно понять. И, прямо скажем, мне начхать было на методы Смерти, лишь бы он смог разговорить покойнич-

ка.

Выпад озерной девы оставил без внимания, пусть ее. Собака лает, ветер носит. Лягуха квакнет, по воде разносит.

– Чего вы вообще дурью маетесь? – русалочка прикусила в задумчивости нижнюю губу. – Ну, стала жизнь не мила, захотели уйти из-под солнышка – так дойдите до озера, там вас примут, приласкают да обнимут. Нет же! А мне теперь из-за вас тело волочь.

От такой трактовки событий я поперхнулся.

– Тело волочь не нужно, – ответил машинально.

– Да? – русалочье тело приподнялось над водой повыше, подбоченилось. – А виру взять? Дымы дымили, сна-покою лишили, и все за так? Нет уж!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.